

Найо Марш
Смерть в экстазе. Убийство
в стиле винтаж (сборник)
Серия «Золотой век английского детектива»
Серия «Родерик Аллейн»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12921798

Марш, Найо. Смерть в экстазе ; Убийство в стиле винтаж : [сборник] : АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-094557-3

Аннотация

В маленькой деревенской церкви происходит убийство. Погибает юная Кара Куэйн. Кому она могла перейти дорогу?.. Под подозрением оказываются сразу восемь человек, присутствовавших в то время в церкви. И чтобы найти виновного, инспектор Аллейн должен выяснить, что послужило причиной убийства: ревность, зависть или, может быть, деньги?

Однажды ночью Альфреда Мейера, директора театральной труппы, едва не столкнули с мчавшегося поезда. Однако на этом его «неприятности» не закончились. На праздновании дня рождения его жены – актрисы Каролин Дэйкрес – Мейер был убит ударом... бутылки шампанского. Инспектор Аллейн начинает расследование и знакомится с актерами театра – людьми яркими и весьма противоречивыми, никогда не снимающими маски.

Содержание

Смерть в экстазе	5
Предисловие	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	62
Часть 2	69
Глава 13	69
Глава 14	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Найо Марш

Смерть в экстазе. Убийство в стиле винтаж (сборник)

Ngaio Marsh
DEATH IN ECSTASY
VINTAGE MURDER

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств
Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency

© Перевод. Соколов В.Н., 2014

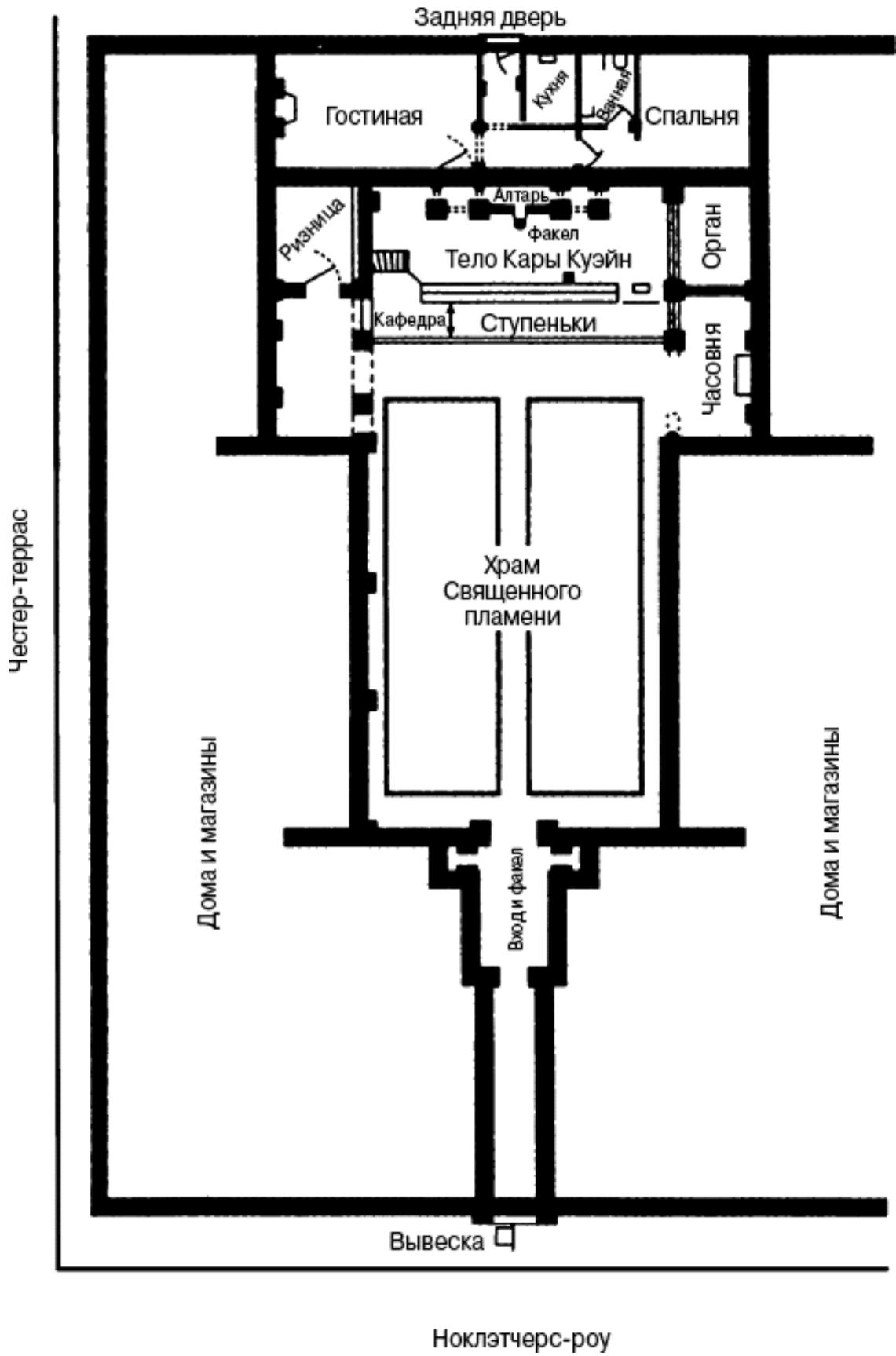
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Смерть в экстазе

Предисловие

Спешу заверить, что любое сходство Храма Священного пламени с какой-либо из существующих ныне церквей или общественных организаций – чистая случайность. Служители и прихожане этой церкви вымышлены, так же как и улица Ноклэтчерс-роу, на которой расположен Храм. Насколько мне известно, ничего подобного нет ни в одной из известных мне частей света.

Я выражаю свою благодарность Робину Пейджу за его консультации по поводу цианистого натрия; Гаю Коттерилу – за придуманный им план Храма; и Робину Адамсону – за дружескую изобретательность в составлении домашних ядов.

Действующие лица:

Джаспер Гарнетт, священник в Храме Священного пламени

Семь посвященных:

Сэмюэль Дж. Огден, церковный староста. Торговец

Рауль де Равиньи, церковный староста. Дилетант

Кара Куэйн, Избранный сосуд

Морис Прингл, жених Джейни Дженкинс

Джейни Дженкинс, младшая из адептов

Эрнестина Уэйд, старшая из адептов (вероятно)

Дагмар Кэндур, вдова

Клод Уитли, причетник

Лайонел Смит, причетник

Доктор Николас Касбек, свидетель

Привратник Храма

Эдит Лора Хебборн, старая няня Кары Куэйн

Уилсон, горничная Кары Куэйн

Мистер Раттисбон, адвокат Кары Куэйн

Элси, домработница мистера Огдена

Родерик Аллейн, старший инспектор Скотленд-Ярда

Инспектор Фокс, его помощник

Сержант Бэйли, его дактилоскопист

Доктор Кертис, его окружной врач

Найджел Басгейт, его Ватсон

Часть I

Глава 1 Тупик

В хмурый воскресный вечер на исходе декабря, когда на улице хлестал ливень, в Храме Священного пламени на Ноклэтчерс-роу состоялось необычное собрание.

В Лондоне всегда хватает доморощенных культов и сомнительных церквей. Привычная скука воскресных улочек – только маска, под которой бьется лихорадочный пульс религиозной жизни. За фасадами серых зданий, попискивая, словно мыши за стеной, копошатся самые невероятные секты и общины.

Возможно, главный смысл этих благочестивых развлечений в том, чтобы добавить тусклым будням побольше яркости и острых впечатлений. В более простодушные времена для тех же целей устраивались оргии. Иначе как объяснить тот факт, что в подобных собраниях участвует столь разнообразное и изысканное общество?

Что, например, заставило мисс Уэйд упрямо шагать по Кингс-роуд, несмотря на дождь и свирепый ветер, который срывал с магазинов вывески и грозил заехать ей в лицо ее собственным зонтом? А ведь она могла прекрасно провести время в гостиной, сидя с книгой у теплого камина.

А что принудило мистера Сэмюэля Дж. Огдена облачиться в неудобную одежду, покинуть свой дом на Йорк-сквер, усесться в холодное такси и два часа оставаться без сигары?

Ради чего Кара Куэйн променяла свой уютный домик на Шеперд-маркет на мокрую брусчатку и пустынную площадь Пиккадилли?

Какие соблазны могли отвлечь месье де Равиньи от его Ван Гога и строгой холостяцкой квартиры на Лаундес-сквер?

Если бы всем этим людям задали подобные вопросы, каждый из них на свой лад и по своим причинам солгал бы. Скорее всего, они принялись бы уверять, что посещать Храм Священного пламени – это их долг. Месье де Равиньи никогда бы не рассказал, что приходит туда только от безумной любви к Каре Куэйн; а Кара Куэйн – что находит там выход своей непреодолимой тяги к эксгибиционизму. Мисс Уэйд скорей бы умерла, чем призналась, что поклоняется вовсе не Господу Богу, а преподобному Джасперу Гарнетту. Что касается мистера Огдена, он бы тут же пустился в длинные рассуждения на душещипательные темы, пестрившие такими словечками, как «возрождение», «обновление» и «духовный подъем».

Машина Кары Куэйн, такси мистера Огдена и галоши мисс Уэйд одновременно свернули на Ноклэтчерс-роу.

Ноклэтчерс-роу – это тупиковая улочка, отходящая от Честер-террас недалеко от Грэм-стрит. Так же как и Грэм-стрит, она примечательна своей церквушкой. Впрочем, в этот декабрьский вечер ее силуэт почти полностью сливался с темнотой. Только преданные прихожане и несколько их друзей знали о ее существовании. Старший инспектор Аллейн никогда о ней не слышал. Найджел Басгейт, уныло смотревший в окно квартиры на Честер-террас, только сегодня заметил ее вывеску. Это был небольшой знак из красного стекла, сделанный в форме вившегося над чашей язычка пламени. Ветер качнул вывеску, и блики света скользнули по ее краям. Найджел заметил красную вспышку и в то же время увидел мисс Уэйд, торопившуюся к дверям храма. Потом появились автомобиль и такси, откуда по очереди выбрались мисс Куэйн и мистер Огден. Еще три фигуры, склонив головы и блестя мокрыми плащами, появились в переулке. Найджелу было скучно. Он страдал ненастным любопытством газетного писаки. Поддавшись внезапному порыву, он нахлобучил шляпу,

схватил зонтик и бросился на улицу под дождь. В этот момент инспектор Аллейн, сидевший у себя в комнате на Сент-Джеймс-стрит, оторвался от книги и заметил слуге: «На улице ужасный ливень. Сегодня я останусь дома».

Глава 2

Храм Священного пламени

Мощный порыв ветра на Честер-террас ударил Найджела в плечо. Тот покачнулся и отпрыгнул в сторону, словно норовистый жеребец. Вода струями лилась с его зонта, под ногами лоснилась мокрая брусчатка. Он почувствовал привкус приключения и похвалил себя за то, что поддался импульсу и выбрался на улицу в такую скверную погоду. Вид Ноклэтчерс-роу ему нравился. Казалось, само ее название обещало какую-то романтическую авантюру. Кто знает, думал Найджел с надеждой, не вяжется ли он в какую-нибудь рискованную историю в этом странном молитвенном доме? Может быть, он попадет в некое экзотическое место, где в теплом воздухе разлит аромат ладана, а таинственные обряды поражают своей причудливостью и красотой? Теша себя сладкими мечтами, он пересек Честер-стрит и, подставив зонтик ветру, зашагал к Храму Священного пламени.

Перед ним маячили две или три фигуры, но к тому времени, когда он добрался до раскачивавшейся вывески, они уже исчезли за дверью. Подойдя ближе, Найджел услышал колокольный звон – не такой звонкий и напористый, как в церкви Святой Марии на Грэм-стрит, – скорее мягкий и приглушенный, словно звучащий в глубине здания. Он свернул в нишу, расположенную под церковной вывеской, и колокол тут же затих. Найджел оказался в длинной крытой галерее, освещенной в самом конце одинокой лампой, или, точнее сказать, одиноким огоньком – направившись в его сторону, он обнаружил, что это живое пламя бронзового факела в железной подставке. Очевидно, в силу каких-то религиозных традиций этот необычный осветительный прибор был помещен в своеобразную клетку.

Прямо под факелом находилась двустворчатая дверь. На глазах Найджела из нее вышел какой-то человек, запер ее на ключ и уселся на стул под полыхавшим пламенем. Найджел стряхнул зонт и подошел к привратнику. Это был бледный, худощавый юноша в очках, с замашками аристократа.

– Боюсь, вы опоздали, – произнес он строго.

– Опоздал?

Найджел сам удивился, до какой степени он был разочарован.

– Да. Колокол отзвонил. Я уже запер двери.

– Но прошла всего пара секунд! Я же видел, как вы выходили из дверей. Почему бы вам не открыть их снова?

– Колокол отзвонил.

– Да-да, я уже слышал. Повторяю, это случилось буквально только что. Вы можете меня впустить?

– Похоже, вы не знакомы с правилами, – заметил молодой человек, указав на табличку, висевшую в рамочке рядом с дверью.

Найджел раздраженно развернулся и прочел: «Колокол умолкает, как только священник входит в храм. Двери закрываются и остаются закрытыми до конца церемонии».

– Видите? – назидательно промолвил юноша.

– Вижу. Но, по-моему, вы совершаете ошибку, слишком строго этому правилу следуя. Наверное, вы заметили, что я здесь новенький. Что-то заставило меня сюда прийти – какой-то внутренний толчок. Кто знает, не стану ли я новым приверженцем той доктрины, которая проповедуется за этими дверями?

– Для неофитов проводятся занятия по средам, в четверть седьмого.

- Да не собираюсь я туда ходить! – в сердцах выпалил Найджел.
- Как вам угодно.

Найджел вдруг почувствовал, что ведет себя очень глупо. Он и сам не очень понимал, почему так разозлился, не попав на церемонию, о которой ничего не знал и на которую ему было, по большому счету, наплевать. Устыдившись своей грубости, он снова повернулся к надписи, надеясь как-нибудь умиловить привратника.

В верхней части таблички пламенел красный факел, окруженный рядом малопонятных символов. Все это было заключено в большой круг, состоявший из знаков Зодиака. Найджела охватил новый приступ недовольства – он как раз рассчитывал на что-то в этом роде. Ясно, что здесь происходили какие-то странные и экзотические службы. Доносившееся из-за дверей приглушенное пение усилило его досаду. Тем не менее он прочел:

В свете Священного пламени все тайны мира – только грани одной великой Тайны, все боги – лишь воплощения одного великого Божества. Время – не более чем образ Вечности, а путь к вечному лежит через Духовный экстаз.

Джаспер Гарнетт.

- Скажите, – обратился Найджел к привратнику, – кто такой Джаспер Гарнетт?
- Наш Основатель, – сухо ответил молодой человек, – и наш Пастырь.
- Значит, он не только рассуждает о вечности, но и открывает тот самый «путь», о котором говорит?

– Я бы сказал иначе, – возразил привратник, причем в его глазах блеснул фанатичный огонек. – Он сам и есть Путь.

– А вам, стало быть, приходится вечно пребывать в изгнании, коротая время с опоздавшими посетителями? – спросил Найджел, которому начал нравиться этот диалог.

– Мы дежурируем по очереди.

– Ясно. Кажется, я слышу за дверью какие-то стенания. Это голос мистера Джаспера Гарнетта?

– Да. Только это не стенания, а молитва.

– Что за молитва?

– Наверное, вам все-таки стоит посетить занятия для неопитов. Я не имею права болтать с посторонними, тем более находясь на страже, – с пафосом заявил привратник.

– Ну какая же это болтовня, – возразил Найджел.

Вдруг он подскочил на месте. Дверь содрогнулась от мощного удара изнутри. За ним последовал второй, потом третий.

– В сторону, в сторону! – воскликнул молодой человек.

Он снял железную сетку, защищавшую бронзовый факел, потом достал из кармана ключ и быстро отпер дверь.

Найджел поспешно отошел в сторону. Рядом с дверью в стене имелась небольшая ниша. Он бесшумно отступил вглубь.

На пороге появились два отрока в длинных ярко-алых одеяниях и пурпурных накидках, украшенных богатой вышивкой. Их длинные волосы пышно струились по плечам. Один был рыжекудрый и курносый, с крупными зубами, другой – черноокий брюнет с пухлым ртом. Меланхолично потряхивая кадильницами, они с поклонами приблизились к факелу. Вслед за ними шествовал высокий мужчина в белоснежном расшитом одеянии, напоминавшем о друидах. У него была роскошная седая шевелюра, глубоко запавшие глаза и густые черные брови. Все вместе производило сильное впечатление. На худом скуластом лице, изборожденном морщинами, выделялся тяжелый подбородок. Человек с такой внешностью мог с одинаковой вероятностью быть трагическим актером, святым или американским коммивоя-

жером. Найджел прекрасно его рассмотрел, потому что тот долго стоял перед факелом, склонив голову и держа в руках незажженную свечу. Затем, бормоча что-то под нос, мужчина трижды преклонил колени и протянул свечу к язычкам пламени. Когда она вспыхнула, он поднял ее высоко над головой. Привратник и оба служки опустили на колени, священник закрыл глаза, а Найджел проскользнул в зал.

Сначала ему показалось, что вокруг полная темнота. Потом он начал что-то различать. Вдалеке – судя по всему, на алтаре – горел красный огонек. В воздухе стоял запах ладана. Ноги утопали в толстом, мягком ковре, скрадывавшем звук шагов. Найджел почувствовал, что вокруг него в абсолютной тишине стоит множество людей. Неожиданно в открытых дверях появился свет. Стараясь отойти подальше, Найджел начал осторожно смещаться вправо и, не обнаружив никаких препятствий, решил, что попал в поперечный неф. Постепенно его глаза привыкли к темноте, и перед ним стал вырисовываться плывший под сводами дымок, какие-то бледные фигуры возле стен (вероятно, статуи) и ряды смутных силуэтов с опущенными головами. Он догадался, что движется вдоль стены за последним рядом скамей. В дальнем углу показалось свободное место. Найджел скользнул туда и едва успел усесться, как слабое пятно света, двигавшееся со стороны дверей, возвестило о возвращении преподобного Джаспера Гарнетта и его пылающей свечи. Преподобный появился в центральном нефе, озаренный слабым сиянием огня: казалось, в темноте плывет только его голова, окруженная желтым нимбом. Свеча парила над ним в глубоком мраке. Потом во тьме звучно вспыхнуло яркое пламя. Паства издала какой-то мрачный рев. Орган выдал два-три резких взвинченных аккорда, ударив Найджела по нервам, и на стенах – с равными интервалами – вспыхнули красные светильники.

Несколько минут в храме стоял оглушительный шум, постепенно превращающийся в невнятное пение. Рядом с Найджелом находилась полная дама с хриплым голосом. Он внимательно вслушивался в ее голос, но не мог разобрать ни слова, словно она пела на неизвестном языке.

– Э-э-а-а-и-и-е-е-я-я-е-е, – надрывалась дама.

В заключение орган и паства выдали дружное «Аминь». Все присутствующие поднялись с колен, уселись на свои места, и в храме воцарилось глубокое молчание.

Найджел огляделся по сторонам.

Внешне Храм Священного пламени выглядел абсолютно так же, как любая англиканская или римская церковь. Центральный неф, трансепт, алтарь, престол – все было на месте. Слева – кафедра, справа – аналой. Но на этом сходство с обычными храмами заканчивалось. Внутри помещение напоминало скорее какую-то ультрасовременную художественную выставку, причем в самом безумном из вариантов. Над алтарем высился огромный подсвечник с бронзовым факелом, в котором буйно плясало пламя. Сам алтарь украшали: пернатая змея, деревянная фигурка с длинным языком и глазами из перламутра, вагнеровский божок, миниатюрный тотемный столб и множество других языческих идолов, нагроможденных беспорядочно и кое-как, словно в лавке старьевщика. На стенах красовались знаки Зодиака, а в проходах высились огромные изваяния в стиле модерн. По большей части они представляли собой бесформенные глыбы, из которых там и сям вылезали всевозможные животные и птицы: лев, бык, змея, кошка, феникс. Рядом с ними, казалось, глубоко изумленные таким соседством, громоздились человеческие статуи, изображавшие, по мнению Найджела, скандинавских богов. Мужские фигуры носили шлемы и бороды, женские – шлемы и сапожки. Выглядели они так, словно их начал ваять Джейкоб Эпстайн, а закончил какой-то очумевший каменщик. В одной из статуй Найджел узнал Одина. Могучий бог был облачен в широкий плащ, в складках которого терялась пара четвероногих (вероятно, Гери и Фреки), а у гигантских ног, как будто распухших от водянки, торчали два мрачных ворона (очевидно, Хугин и Мунин). В зале обильно курились благовония. Все сияло роскошью и великолепием.

Пока Найджел предавался этим наблюдениям, зал наполнил голос необыкновенной красоты. На кафедру взошел преподобный Джаспер Гарнетт.

Позже, рассказывая обо всем случившемся старшему инспектору Аллейну, Найджел понял, что не может описать эту часть церемонии даже в самых общих чертах. Запомнилось только одно – она произвела на него глубокое впечатление. Это было подлинное торжество разума и духа. Что-то вроде серии ослепительных пьянящих вспышек, в свете которых все моральные и духовные проблемы человечества решались с необыкновенной легкостью и простотой. Все детали мира сложились в идеальную картину. Найджел чувствовал, как внутри его устанавливается чудесная гармония. Казалось, глаза проповедника смотрели только на него. Они заглядывали ему прямо в душу, и Найджел сознавал, что сопротивляться совершенно бесполезно. Когда священник приказал ему смотреть на факел, он так и сделал. Пламя вспыхивало и колебалось в такт упоительному голосу. Найджел перестал ощущать собственное тело. Короче, он был полностью одурманен и прямым ходом шел к своему «обращению», как вдруг дама рядом с ним оглушительно чихнула и испуганно шепнула: «Простите...»

Но чары уже рассеялись. Он вернулся с небес на землю и успел расслышать последние слова отца Гарнетта:

– Итак, дверь открыта, пламя экстаза ждет нас. Так давайте вместе войдем в священное единство Духа. Оставьте свои тела. Вас ждет новая жизнь. Зла больше нет. Хватит держаться за землю. Да снизойдет на вас экстаз. Придите к пылающей чаше!

По залу прошел глухой ропот. Он быстро нарастал, взрываясь разрозненными возгласами. Полная дама тихонько завывала, мужчина рядом с ней выкрикнул что-то нечленораздельное. Священник приблизился к алтарю и достал из дароносицы серебряный сосуд и усыпанную драгоценностями чашу. Сосуд он передал смуглому причетнику, а сам взял в руки чашу. Из ее глубины вырвался язычок пламени и сразу угас. Одна из женщин в первом ряду вскочила на ноги. Остальные прихожане опустили на колени. Женщина взбежала по ступенькам алтаря и с хриплым возгласом «хайль!» простерлась на полу под факелом. Священник подошел к ней, подняв над головой чашу. Еще несколько человек из паствы присоединились к женщине – преклонили колени и воздели руки к чаше. Они тоже выкрикивали что-то неразборчивое. Выглядело все это непристойно, и Найджел, неожиданно протрезвев, почувствовал неловкость и даже стыд. Священник подал чашу одной из женщин, стоявших на коленях, полной даме с красным лицом. Страстно прохрипев: «Имир», – она взяла у причетника серебряный сосуд, налила в чашу немного жидкости и передала ее соседу. Это был темноволосый мужчина в дорогой одежде; он сделал то же самое, произнеся другое слово. Чаша пошла по кругу. Каждый принимал чашу от соседа, брал у служки серебряный сосуд, наливал в чашу вина, передавал ее следующему участнику и возвращал сосуд причетнику. Все произносили при этом разные слова. Найджелу показалось, что он расслышал имена: Тор, Ариман и Видур, хотя большинство других звучали так диковинно и незнакомо, что он не мог их разобрать. Когда круг закончился, чаша снова перешла в руки отца Гарнетта. Простершаяся на полу женщина вскочила на ноги. Ее руки судорожно дергались, губы все время шевелились – она бормотала какую-то околесицу, – голова болталась из стороны в сторону. Зрелище было неприятным и тяжелым, несмотря на то что сама женщина выглядела довольно привлекательно: высокая, еще молодая, хотя и с белыми волосами. Одета она была красиво и по последней моде, но от бесноватых движений ее одежда пришла в беспорядок, шляпа гротескно сползла на ухо, а рукав платья задрался до локтя. Женщина разразилась длинной речью, невнятной, если не считать нескольких ясно прозвучавших имен древних богов и отдельных фраз в более современном вкусе вроде «я есть все во всем». Круг коленапоклоненных начал хором повторять: «Хайль!» – и вскоре она присоединилась к общему пению, громко хлопая в ладоши и раскачиваясь взад-вперед.

Внезапно, видимо по какому-то сигналу, поданному священником, в зале наступила тишина. Женщина простерла перед собой руки, и священник вручил ей чашу.

– Вино экстаза да наполнит твои тело и душу!

– Тур-айе!

– Да войдет в тебя безумие Священного пламени!

– Хайль! Тур-айе! Тур-айе!

Женщина поднесла к губам чашу. Она все больше откидывала голову назад, пока не осушила все до последней капли. Внезапно женщина резко вдохнула. Она недоуменно полу-обернулась к священнику, словно хотела его о чем-то спросить. Ее руки вытянулись вперед, как бы предлагая ему чашу, потом безвольно опустились. Чаша покатилась по полу. Лицо женщины исказилось в отвратительной гримасе. Тело мучительно изогнулось. Наконец, словно огромная кукла, она в полный рост растянулась на полу, два раза дернулась и затихла.

Глава 3 Смерть старой девы

Найджел, хоть и пораженный увиденным, подумал сначала, что так и было предусмотрено обрядом. Он находил эту службу довольно неприятной, но все же интересной. Прошла целая минута, прежде чем до него стало доходить, что финал вышел совсем не таким, как ожидали прихожане и сам отец Гарнетт. Первым его навел на эту мысль один из молодых адептов. Тот поднялся с колен, переводя взгляд с женщины на священника. Потом о чем-то заговорил, но так тихо, что Найджел не услышал ни слова. Остальная часть посвященных продолжала стоять на коленях, но вид у них был растерянный – словно они не понимали, что делать дальше. Исступленный восторг паствы куда-то улетучился, и вместо него в воздухе повисло напряженное молчание. Священник так же тихо ответил молодому человеку. На этот раз Найджел ясно различил слова – возможно, потому, что уже не раз слышал их раньше:

– Духовный экстаз...

Последнее словно он произнес нараспев: «экста-а-аз».

– Явные симптомы...

Молодой адепт обернулся и неуверенно посмотрел на женщину.

– Друзья мои, – заговорил священник громко и решительно. – Друзья мои, наша сестра удостоилась величайшей благодати. Она обрела экстаз! Оставим ее наедине с этим чудесным опытом. Давайте споем наш гимн Пану, всемогущему Богу.

Он выдержал паузу. Орган осторожно взял пару аккордов. Прихожане с глухим ропотом стали подниматься с колен.

– Давайте споем, – решительно повторил отец Гарнетт, – наш гимн...

В толпе раздался крик. Из разорванного круга выскочила невысокая, плохо одетая женщина и резко остановилась, вытянув вперед шею и широко открыв рот.

– Нет, нет! Все не так. Она мертва. Я прикоснулась к ней. Она мертва!

– Мисс Уэйд, успокойтесь!

– Я не успокоюсь! Она мертва...

– Минутку, – послышался невозмутимый голос рядом с Найджелом.

Из задних рядов сквозь толпу пробирался солидный пожилой мужчина. По пути он аккуратно обогнул полную даму. Найджел отступил в сторону, чтобы дать ему дорогу, а затем, повинаясь журналистскому инстинкту, последовал за ним.

– Думаю, мне следует осмотреть эту даму, – спокойно заметил мужчина, подойдя к алтарю.

– Но, доктор Касбек...

– Думаю, мне следует ее осмотреть, отец Гарнетт.

Найджел незаметно приблизился к группе под факелом. У него было странное чувство, что он поднимается на сцену для участия в каком-то фантастическом спектакле. Стоявших здесь людей – бледных, с мертвенными лицами – освещал только неровный свет пламени. Огонь тихо шипел, будто неразборчиво бормоча. Больше в храме не было ни звука. Доктор опустился на колени рядом с неподвижной фигурой.

Женщина упала лицом вниз, уронив голову на ступени алтаря. Доктор пощупал ее запястье и быстрым движением приподнял шляпу, закрывавшую ее лицо. На него уставились неподвижные, широко открытые глаза без блеска. В уголках ее рта застыла вязкая пена. Сам рот был напряжен, зубы крепко стиснуты, а губы оттянуты назад, словно в невеселой улыбке. Щеки пылали вишневым румянцем, хотя все остальное лицо поражало бледностью. Неизвестно, удалось ей достигнуть экстаза или нет, но эта женщина, без сомнения, была мертва.

Увидев страшное лицо, стоявшие рядом адепты отпрянули назад. Кто-то вскрикнул. Мисс Уэйд – пожилая женщина в плохой одежде – испустила сдавленный вопль, в котором слышались ужас и в то же время торжество:

– Мертва! Я же говорила – она мертва! О! Отец Гарнетт!

– Закройте ее, ради бога, – пробормотал высокий молодой человек.

Доктор наклонился ближе. Он понюхал воздух возле губ покойной и расстегнул воротник платья. Найджел увидел, как его ладонь крепко прижалась к бледной коже. Доктор подержал ее так несколько мучительно долгих секунд. Не поднимая головы, он пристально всмотрелся в ее лицо. Потом снова опустил поля дамской шляпы.

– Жуть, просто жуть, – бормотал похожий на торговца джентльмен, судя по акценту, американец.

– Попросите прихожан покинуть церковь, – резко сказал доктор. Он обращался к священнику.

Отец Гарнетт ничего не ответил. И даже не шевельнулся. Его фигура по-прежнему выглядела внушительно, но вся энергия куда-то улетучилась. Он словно оцепенел.

– Вы можете попросить их уйти? – повторил доктор Касбек.

– Подождите!

Найджел сам испугался, услышав свой голос. Все сразу повернулись к нему, не столько удивленные, сколько сбитые с толку. За его спиной прошел шепоток. Ему казалось, что его голосовые связки взбунтовались и действуют помимо его воли.

– Эта дама умерла естественной смертью? – спросил он доктора.

– Как видите, я сделал только беглый осмотр.

– Но у вас есть сомнения?

– Что это значит? – вдруг очнулся священник. – Кто вы такой?

– Я присутствовал на службе. Простите, что вмешиваюсь, но, если есть подозрения в насильственной смерти, никто не должен...

– В насильственной? С чего вы взяли? – спросил американец.

– Я сужу по рту и глазам. И еще... по запаху. Возможно, я ошибаюсь. – Найджел продолжал смотреть на доктора. – Но, если есть сомнения, лучше, если все останутся на месте.

Доктор холодно разглядывал его несколько секунд.

– Пожалуй, вы правы, – произнес он наконец.

Они говорили вполголоса, но, очевидно, в зале расслышали их слова. Несколько человек вышли в центральный неф. Гул в рядах усилился. Послышались громкие голоса, какая-то женщина вскрикнула. Шепча и шатаясь, толпа медленно двинулась к алтарю.

– Скажите им, чтобы сели на свои места, – попросил доктор.

Священник, похоже, уже собрался с мыслями. Он повернулся и быстро взбежал по ступенькам кафедры. Найджел почувствовал, что он готов употребить весь свой авторитет, чтобы вернуть контроль над паствой.

– Друзья мои! – загремел его сильный и уверенный голос. – Прошу вас, вернитесь на свои места и сохраняйте спокойствие. Я чувствую, как в эту минуту на нас нисходят мощные космические волны. Их энергия осенила нашу возлюбленную сестру, наш Избранный сосуд экстаза, Кару Куэйн. – Его голос слегка дрогнул и сбавил тон. – Мы должны укрепить наши души силой мировой гармонии. Призываю вас предаться медитации на тему «Единение». Пусть в храме пребудет тишина.

Все сразу повиновались. В зале воцарилось глубокое молчание. Стало так тихо, что было слышно, как прошелестела мантия священника, спустившегося с кафедры. Найджелу он казался каким-то сверхъестественным, невероятным существом.

Отец Гарнетт обратился к двум причетникам, один из которых все еще механически качал кадильницей, а второй держал сосуд с вином.

– Задержите занавес, – распорядился он тихо.

– Да, отче, – ответил рыжий.

– Да, отче, – пролепетал темноволосый.

Раздался звон металлических колечек, потом шорох тяжелой ткани, и они оказались за парчовой стеной, наглухо отделившей их от прихожан. Алтарь превратился в комнату, мрачноватую, но довольно уютную.

– Теперь можно говорить свободно, – заметил священник. – Занавес с подкладкой, очень плотный.

– Господи, помилуй! – воскликнул американец. – Что за кошмарная история! Доктор, вы уверены, что она умерла?

– Уверен, – отозвался доктор, снова наклонившись над телом.

– Да, но дело не только в этом, – вмешался молодой человек. – Почему никто не должен уходить? Что это значит? – Он повернулся к Найджелу: – Зачем вы сказали про насильственную смерть и кто вы, черт возьми, такой?

– Морис, – попытался остановить его священник. – Морис, дитя мое...

– Эта женщина, – упрямо продолжал юноша, – вообще не должна быть здесь. У нее нет права подходить к чаше. Она – воплощенное зло. Я знаю, отец Гарнетт, я знаю...

– Морис, успокойся.

– Заткнись, парень! – буркнул американец.

– Говоря вам, я знаю...

Юноша замолчал, с какой-то иступленной преданностью глядя на священника. Отец Гарнетт пристально смотрел ему в глаза. Если это было дуэлью, то победил священник: юноша резко отвернулся и отошел в сторону.

– Что произошло? – спросил Найджел доктора. – Это яд?

– Похоже на то. Смерть была мгновенной. Надо известить полицию.

– Поблизости есть телефон?

– Да, в комнатах отца Гарнетта.

– В его комнатах?

– Да, за алтарем, – объяснил доктор.

– Я могу им воспользоваться?

– Вы уверены, что это необходимо? – спросил священник.

– Абсолютно уверен, – отрезал доктор Касбек. Он взглянул на Найджела. – Так вы позвоните?

– Если хотите. У меня есть знакомый в Скотленд-Ярде.

– Тогда действуйте. Как насчет ближайших родственников? Кто-нибудь о них знает?

– Кара жила одна, – откликнулась девушка, до сих пор хранившая молчание. – Она говорила мне, что у нее нет родственников в Англии.

– Ясно, – кивнул доктор Касбек. – В таком случае... – Он посмотрел на Найджела. – Нужно просто позвонить в полицию. Отец Гарнетт, вы покажете дорогу этому молодому человеку?

– Полагаю, мне лучше вернуться к своей пастве, – возразил отец Гарнетт. – Они нуждаются в моем руководстве. Клод, проводи его к телефону.

– Да, отче.

Найджел, словно пребывая в трансе, направился вслед за служкой. Хрупкий Клод отдернул парчовый занавес в правой части алтаря, открыл оказавшуюся за ним дверь и шагнул в ее проем, с томным видом поглядывая на Найджела.

«В хорошенькое дельце я вляпался», – подумал Найджел и последовал за ним.

Отец Гарнетт жил прямо за алтарем. Это была маленькая квартирка. Ближняя комната смахивала на музейный зал с античными слепками. Так, по крайней мере, показалось журналисту, когда Клод провел его в дальний угол и показал на что-то вроде ритуального чайника – Найджел с трудом распознал телефонный аппарат.

– Спасибо, – поблагодарил Найджел, надеясь, что Клод немедленно уйдет. Тот остался, доверчиво глядя на Найджела.

Воскресный вечер. Аллейн наверняка должен быть дома, если только его не вызвали по срочному делу. Найджел набрал номер и стал ждать, чувствуя сухость во рту и колотящийся в ушах пульс.

– Алло!

– Алло... Могу я поговорить со старшим инспектором Аллейном? А, это вы. Значит, вы дома. Это Найджел Басгейт.

– Добрый вечер, Басгейт. Что случилось?

– Я звоню из церкви... Из Храма Священного пламени. Это на Ноклэтчерс-роу, рядом с Честер-террас, как раз напротив моей квартиры.

– Я знаю эту улицу. Она в моем округе.

– Десять минут назад здесь скончалась женщина. Думаю, вам нужно приехать.

– Вы там один?

– Нет.

– Господи, как вас туда занесло, несчастного? Женщину убили?

– Откуда мне знать?

– Какого черта вы не позвонили в Скотленд-Ярд? Я бы на вашем месте так и сделал.

– Приезжайте, прошу вас. Я держу здесь прихожан. То есть, – поправился он смущенно, – они все еще здесь.

– Ничего не понимаю. Я буду через десять минут.

– Спасибо.

Найджел повесил трубку.

– С ума сойти, вы знаете Аллейна из Скотленд-Ярда! – просиял Клод. – Это потрясающе! Вам очень повезло.

– Думаю, нам лучше вернуться, – напомнил Найджел.

– Честно говоря, я бы остался здесь. Мне страшно. Вы когда-нибудь видели столь ужасное лицо, как у мисс Куэйн? Как вы думаете, она покончила с собой?

– Не знаю. И все же вы идете?

– Пожалуй. Вы потрясающе смелый человек. Я выключу свет. Отец Гарнетт – потрясающий, правда? Ведь вы новенький?

Найджел выскочил из комнаты.

Вся компания посвященных собралась вокруг американца, который что-то им шептал.

Он выглядел как типичный персонаж трансатлантических реклам: высокий, склонный к полноте крепыш, такой вылощенный и стерильный, словно и впрямь регулярно употреблял все те дезодоранты, лосьоны, кремы и жидкости для полоскания рта, которыми пестрят издания американских журналов. Единственным недостатком в его внешности были глаза, имевшие разный цвет: один – светло-голубой, а другой – карий. Это придавало ему комичный вид, словно он все время валял дурака, даже если говорил серьезно.

К удивлению Найджела, орган снова заиграл мелодию, а за занавесом послышалось приглушенное пение. В зале четко разносился голос отца Гарнетта. Кто-то – вероятно, доктор – накрыл тело куском великолепно расшитой ткани.

Увидев Найджела, американец направился к нему.

– Пожалуй, нам стоит познакомиться, – произнес он любезным тоном. – Вы свалились на нас невесть откуда и сразу взяли быка за рога. Не скрою, мне это понравилось. Люблю, когда люди действуют решительно. Меня зовут Сэмюэль Дж. Огден. Кажется, у меня завалилась визитка...

Американец полез в карман.

– О, не стоит, – остановил его Найжел. – Меня зовут Басгейт.

– Рад познакомиться, мистер Басгейт. – Мистер Огден крепко пожал ему руку. – Позвольте представить вам этих дам и джентльменов. Мисс Кэндур, знакомьтесь, мистер Басгейт. Мисс Уэйд, знакомьтесь, мистер Басгейт. Мистер Басгейт – мисс Джейни Дженкинс. Месье де Равиньи – мистер Басгейт. Доктор Касбек – мистер Басгейт. Мистер Морис Прингл – мистер Басгейт. А эти двое джентльменов – наши причетники. Мистер Клод Уитли и мистер Лайонел Смит, знакомьтесь – мистер Басгейт.

Растерянные британцы беспомощно переглядывались с Найджелом. Месье де Равиньи, худощавый француз, бросил на него хмурый взгляд.

– Итак... – с приятной улыбкой хотел было продолжить мистер Огден. Но его поспешно перебил Найжел:

– Постойте, если не возражаете, надо послать кого-нибудь к выходу. Сейчас приедет инспектор Аллейн, и, насколько я понимаю, наружная дверь закрыта.

– Верно, – согласился мистер Огден. – Может быть, кто-нибудь из этих юношей...

– Можно мне? – взмолился Клод.

– Хорошо, – кивнул мистер Огден.

– Я пойду с тобой, Клод, – вмешался рыжий служка.

– Нет смысла посылать двоих, как вы думаете, мистер Огден?

– Так, Фаунтлерой, бери маленького Эрика и шагом марш! – грубо бросил мистер Огден. Найжел понял, что ему нравится этот американец.

Служки опростелью бросились к выходу и исчезли за занавесом. Голоса и орган на секунду стали громче.

– Служки всегда такие? – задумчиво произнес мистер Огден.

У кого-то вырвался легкий смешок. Это была Джейни Дженкинс – невысокая девушка с умным лицом.

– Простите, – извинилась она тут же. – Я не хотела смеяться, но эти Клод и Лайонел... Просто ужас что такое!

– Согласен, – охотно подтвердил Найжел.

Девушка повернулась, но не к нему, а к Морису Принглу – тому молодому человеку, который так странно говорил со священником. Он отделился от других и с несчастным видом стоял в стороне. Мисс Дженкинс подошла к нему и заговорила, но так тихо, что Найжел не расслышал ее слов.

– Доктор Касбек, – заговорила немолодая дама, которую мистер Огден представил как мисс Уэйд, – простите, если покажусь вам глупой, но я не понимаю... Кару Куэйн убили?

Когда эта мысль была наконец выражена вслух, все восприняли ее как что-то неприличное. Миссис Кэндур, цветущая женщина с безобразными руками, возмущенно ахнула; месье де Равиньи зашипел, как паровой котел; мистер Огден воскликнул: «Эй, эй, минуточку!»; Прингл совсем ушел в себя, а мисс Дженкинс взяла его за руку.

– Конечно, нет, мисс Уэйд, – ответил доктор Касбек. – Странно слышать от вас такое предположение.

– Я просто спросила, – возразила мисс Уэйд. – Бедняжка была не слишком счастлива и, прямо скажем, не очень популярна.

– Мисс Уэйд, ради бога! – Месье де Равиньи гневно смотрел на нее. – Я решительно протестую! Это... Это очень пристрастное суждение. И абсолютно нелепое! – Он оскорбленно пожал плечами. – Неужели вам недостаточно случившейся трагедии? Бедная моя Кара, неужели этого мало?

Голос отца Гарнетта, приглушенный, но отчетливый, все еще доносился из-за портьеры.

– Слушайте его! – воскликнул Прингл. – Слушайте! Он всех заставил замолчать. И нас тоже. Почему мы ему верим?

– Что вы несете? – в ярости прошептала миссис Кэндур.

– Вы сами знаете. Вы тоже хотели оказаться на ее месте. И это не его вина, а наша! Все это так... так омерзительно...

– Морис... – мягко вмешалась мисс Дженкинс.

– Молчите, Джейни. Я все скажу. Потому что это возмездие. Мы устраивали фарс. Нет, это невыносимо. Я все расскажу...

Юноша вырвался из ее рук и бросился к занавеске. Но не успел он до нее добраться, как она откинулась в сторону, и в зал вошел высокий мужчина.

– А, вы здесь, Басгейт, – произнес старший инспектор Аллейн. – Что случилось?

Глава 4 Скотленд-Ярд

Появление инспектора произвело неожиданный эффект как на место действия, так и на всех его участников. Больше всего это походило на трюк с кинокамерой, когда она движется по комнате и показывает сцену с разных сторон. Найджелу по-прежнему казалось, что он видит кошмар, но теперь это был кошмар, который снился кому-то другому, а он просто наблюдал его со стороны. Пребывая в замешательстве, он задумался: не устроить ли ему сложную серию знакомств по примеру мистера Огдена, – но потом отказался от этой мысли и в нескольких словах рассказал Аллейну о произошедшем. Остальные молча разглядывали новоприбывшего. Джейни Дженкинс держала в ладонях руку Прингла; мисс Уэйд прижимала к губам платок; месье де Равиньи мрачно стоял в стороне; миссис Кэндур взгромоздилась на гигантский трон у алтаря; мистер Огден выглядел озадаченным, но готовым ко всему, а оба причетника с восторгом глазели на инспектора. Аллейн слушал с бесстрастным видом, точно благовоспитанный фавн. Но когда Найджел слишком разошелся, Аллейн сделал кислую гримасу. Найджел понизил голос и, наклонившись ближе, шепотом повторил все, что запомнил из разговоров мисс Уэйд, Прингла и де Равиньи. Аллейн спросил, кого нужно уведомить о смерти мисс Куэйн. Оказалось, что никого, кроме ее прислуги. Мисс Дженкинс возразила, что, как она слышала со слов самой мисс Куэйн, на воскресенье прислуга была отпущена домой. Она вызвалась выяснить, так ли это, и отправилась в комнату отца Гарнетта, чтобы позвонить по телефону. Вернувшись, мисс Дженкинс доложила, что на звонки никто не отвечает. Аллейн записал номер и пообещал проследить, чтобы все заинтересованные лица были уведомлены о случившемся. Выяснив все детали дела, он плотней

задернул занавеску и вполголоса обратился ко всем собравшимся. В этот момент отец Гарнетт, оставив паству петь очередной гимн, присоединился к группе посвященных. Никто его не заметил, кроме Найджела. Тихо встав у портьеры, Гарнетт внимательно слушал, не спуская глаз с инспектора.

Аллейн сказал:

– Думаю, не стоит скрывать от вас, что здесь произошло. Судя по всему, эта женщина была отравлена. Пока мы не выясним причины и обстоятельства ее смерти, я буду заниматься этим делом от имени полиции. Полагаю, держать здесь всю остальную паству смысла не имеет.

Он обернулся и увидел священника.

– Вы мистер Гарнетт? Будьте добры, попросите ваших прихожан разойтись по домам – после того как они закончат петь, разумеется. У двери стоит констебль. Он запишет их фамилии. Отпустите их, пожалуйста.

– Хорошо, – ответил отец Гарнетт и исчез за портьерой.

Вскоре в зале зазвучал его голос, благословляющий паству. Затем послышались шум и движение множества людей. Пару раз кто-то кашлянул. Наконец все стихло. Напоследок гулко хлопнула дверь, и в храме воцарилась полная тишина, если не считать тихо потрескивавшего факела. Отец Гарнетт вернулся назад.

– Думаю, занавес можно отдернуть, – предложил Аллейн.

Отец Гарнетт кивнул. Клод и Лайонел бросились к разным концам портьеры и мигом отдернули ее в обе стороны, открыв одинокую фигуру привратника, который почтительно ждал на нижней ступеньке.

– Я вам еще нужен, отче? – спросил привратник.

– Заприте входную дверь и можете идти домой.

– Хорошо, отче, – прошептал привратник.

Он торопливо направился к выходу и бесшумно закрыл за собой двустворчатую дверь. На миг воцарилось молчание. Потом Аллейн повернулся к Найджелу:

– Здесь есть телефон?

– Да.

– Басгейт, будьте любезны, позвоните в Скотленд-Ярд и сообщите им, что произошло. Сегодня дежурит Фокс. Попросите его приехать и прихватить с собой всю команду. Нам понадобятся окружной врач и криминалист.

Найджел отправился в комнату за алтарем. Когда он вернулся, Аллейн достал блокнот и стал записывать данные собравшихся.

– Это необходимая процедура, – пояснил он. – Будет судебное расследование, на котором вам всем придется выступать в качестве свидетелей.

– Проклятье, – пробормотал Прингл.

– Думаю, лучше начать с покойной, – продолжал Аллейн. – Как ее звали?

– Мисс Кара Куэйн, инспектор, – ответил мистер Огден. – У нее великолепная квартира на Шеперд-маркет, дом сто один. Я имел честь обедать у нее и, должен сказать, получил огромное эстетическое наслаждение. Это была очаровательная женщина с утонченным вкусом и...

– Дом сто один, Шеперд-маркет, – перебил Аллейн. – Спасибо.

Он записал информацию и поглядел на остальных.

– Если не возражаете, давайте начнем с вас, доктор Касбек.

– Разумеется. Николас Касбек, дом сто восемьдесят девять «а» по Уигмор-стрит.

– Прекрасно. – Он повернулся к мисс Уэйд.

– Меня зовут Эрнестина Уэйд, – произнесла она громко и отчетливо, словно разговаривая с глухим. – Я живу в Примроуз-корт, Кингз-роуд, Челси. Не замужем.

– Спасибо.

Мисс Дженкинс шагнула вперед:

– Я Джейни Дженкинс. Живу в квартирке на Йоменс-роу, номер девяносто девять «д». И тоже не замужем, если хотите знать.

– Это просто чтобы знать, как правильно писать, – объяснил Аллейн, – «мисс» или «миссис».

– Теперь ты, Морис, – обратилась мисс Дженкинс к молодому человеку.

– Прингл, – буркнул тот с таким видом, словно его имя было оскорблением. – Морис. Живу на Слоун-сквер, Харроу-мэншнс, дом одиннадцать.

– Это ваш постоянный адрес?

– Нет. Можно сказать, я живу у своих родителей, но стараюсь появляться там пореже.

– Зато тебя всегда можно найти в клубе «Феникс», верно? – вставила мисс Дженкинс.

– Пожалуй, – угрюмо ответил мистер Прингл.

– Следующий, – произнес Аллейн бодрым тоном.

Неожиданно послышался голос миссис Кэндур, все еще сидевшей на гротескном троне. Сама ее поза выражала глубокое отвращение к происходящему.

– Меня зовут Дагмар Кэндур, апартаменты Королевы Шарлотты, Кенсингтон-сквер, номер двенадцать.

– Спасибо.

Мистер Огден, уже не раз порывавшийся выйти вперед, но потом вежливо уступавший свою очередь, решительно подал голос:

– Сэмюэль Дж. Огден, шеф. Думаю, мой адрес вам не интересен. Я приехал из Нью-Йорка. В Лондоне остановился на Йорк-сквер, дом 93, Эйчерч-корт. К сожалению, никак не могу найти свою визитку, но, как говорится, чем богаты.

– Большое спасибо, мистер Огден. А теперь вы, сэр.

Отец Гарнетт немного помолчал. Потом он прочистил горло, и зазвучал его красивый мощный голос:

– Отец Джаспер Гарнетт. – Он произнес фамилию по буквам. – Я священник этого храма. Живу здесь.

– Здесь?

– У меня есть небольшая квартирка за алтарем.

– Надо же, как удобно, – пробормотал Аллейн. – А теперь двое этих... – Он с сомнением взглянул на Клода и Лайонела. – Этих юношей.

Оба причетника взхлеб бросились что-то объяснять.

– Что-что? – переспросил Аллейн.

– Заткнись, Лайонел! – воскликнул Клод. – Мы снимаем квартиру на Эбьюри-стрит, дом называется Эбьюри-мьюз. Хотя это не совсем квартира, верно, Лайонел? Господи, вот я дурак – забыл ее номер!

– Ты безнадежен, Клод, – буркнул Лайонел. – Номер 17, Эбьюри-мьюз, Эбьюри-стрит. Только мы не так уж часто там бываем, потому что участвуем в спектаклях: я в театре «Палладиум», а Клод – в шоу Мадам Карен, на Слоун-стрит, и...

– Я так и не услышал, как вас зовут, – перебил Аллейн.

– Ты дубина, Лайонел, – вмешался Клод. – Я Клод Уитли, инспектор Аллейн, а это Лайонел Смит.

Аллейн записал их данные.

Месье де Равиньи вышел вперед и поклонился:

– Рауль Оноре Кристоф Жером де Равиньи. Живу в Брэскомб-чемберс, Лаундес-сквер. Вот моя карточка.

– Благодарю вас, месье де Равиньи. А теперь, дамы и господа, будьте любезны, покажите мне, где каждый из вас находился в тот момент, когда вы передавали чашу по кругу. Насколько я понимаю, церемония проходила прямо здесь.

После небольшой заминки вперед выступил священник.

– Я стоял тут, – показал он, – и держал в руках чашу. Мистер Огден преклонил колени справа, а миссис Кэндур – слева.

– Именно так, сэр, – подтвердил мистер Огден и занял свое место. – Если не ошибаюсь, справа была мисс Дженкинс.

– Верно, – кивнула названная дама. – А справа от меня – Морис.

Мисс Кэндур неохотно вошла в круг и встала слева от Гарнетта.

– Рядом со мной был месье де Равиньи, – пробормотала она.

– Так и есть.

Месье де Равиньи занял свою позицию, а возле него пристроилась мисс Уэйд.

– Я была здесь, – сказала она, – между месье де Равиньи и мистером Принглом.

– Круг замкнулся, – попытожил Аллейн. – Теперь разберемся с причетниками.

– О, я вам все объясню, – затараторил Клод. – Я стоял прямо здесь, по правую руку от отца Гарнетта. Поскольку я был Ганимедом, то держал в руках сосуд с вином. Как только отец Гарнетт вручил чашу миссис Кэндур, я отдал ей сосуд. Она держала чашу в левой руке, а сосуд – в правой. Потом она налила немного вина и произнесла первое имя божества. Вы ведь Хагринг, верно, миссис Кэндур?

– Была ею, – всхлипнула миссис Кэндур.

– Ну да... Потом я взял сосуд и передал его следующему и...

– И так далее, – закончил Аллейн. – Спасибо.

– А я стоял рядом и кадил, – взволнованно вставил Лайонел. – Я все время кадил ладаном.

– Ясно, – кивнул Аллейн. – К сожалению, всем присутствующим придется задержаться еще на какое-то время. Надеюсь, мистер Гарнетт предоставит в ваше распоряжение свою квартиру. Думаю, все будут рады покинуть это место, где произошла эта ужасная трагедия... А, кажется, мои коллеги уже прибыли.

Кто-то громко стучал в дверь.

– Можно, я им открою? – спросил Клод.

– И поскорее, – ответил Аллейн.

Клод опрометью кинулся в конец зала и распахнул двустворчатые двери. В зале появилась группа из семи человек, включая трех констеблей. Первым шел высокий, крепкий мужчина в штатском, который снял шляпу и, удивленно покосившись на нагие статуи, двинулся по длинному проходу.

– Привет, Фокс, – поздоровался Аллейн.

– Добрый вечер, сэр, – ответил инспектор Фокс.

– У нас проблемы. Поручите кому-нибудь из ваших людей проводить этих дам и джентльменов в комнаты за алтарем. Мистер Гарнетт покажет путь. Будьте так любезны, мистер Гарнетт. Я не задержу вас дольше необходимого. Доктор Касбек, если вы не против остаться...

– Пойдите! – вмешался вдруг Морис Прингл. – Не понимаю, с какой стати нас куда-то гонят, как стадо баранов? Что здесь произошло? Ее убили?

– Вполне возможно, – сухо ответил Аллейн. – Никто вас никуда не гонит, мистер Прингл. Но придется немного подождать, пока мы не разберемся в обстоятельствах дела. Проходите.

– Но...

– Я знала! – вдруг провозгласила миссис Кэндур. – Я знала, что случится что-то ужасное. Помните, я вам говорила, месье де Равиньи?

– Если вам угодно, мадам, – холодно ответил де Равиньи.

– Такого не должно было случиться, – вставила маленькая мисс Уэйд. – Нам не следовало...

– Думаю, нам всем лучше послушать инспектора, – решительно перебил отец Гарнетт. – Прошу, следуйте за мной!

Посвященные потянулись к выходу под присмотром самого крупного из констеблей.

– Уф, – выдохнул Аллейн, как только алтарная дверь закрылась. – Как вы любите говорить в таких случаях, Фокс? Мутное дельце.

– Да, люди странноватые, – согласился Фокс. – И место тоже. Что здесь случилось, сэр?

– Дама умерла от дозы цианида. Вот тело. Ваш старый друг мистер Басгейт расскажет подробности.

– Добрый вечер, мистер Басгейт, – вежливо поздоровался Фокс. – Что вам известно об обстоятельствах дела?

– Все произошло в разгар церемонии, – со вздохом начал Басгейт. – Люди, которых вы только что видели, передавали чашу по кругу. Женщина стояла внутри него. Остальные опустили на колени. Каждый по очереди получал серебряный кувшин с вином и подливал вино в чашу. Потом священник, отец Гарнетт, вручил ей чашу. Она выпила и... упала. Думаю, она умерла мгновенно. Ведь так? – повернулся он к доктору Касбеку.

– Я бы сказал – в течение двадцати секунд. – Доктор взглянул на окружного врача. – Можно было сделать искусственное дыхание, послать за сульфатом железа, попробовать желудочный зонд и так далее, но... – Он сделал гримасу. – У нее не было никаких шансов. Она умерла раньше, чем я к ней подошел.

– Разумеется, – откликнулся окружной врач. Он откинул ткань и склонился над телом.

– Я сразу почувствовал характерный запах, – добавил Касбек. – Видимо, как и мистер Басгейт.

– Да, – сказал Найджел. – Поэтому я и вмешался.

Аллейн наклонился над упавшей чашей.

– Пахнет, – согласился он. – Бэйли, проверьте отпечатки пальцев. Хотя, если чашу брали все, вряд ли это нам поможет. Но сначала все сфотографируем.

Фотограф уже начал расставлять оборудование. Он разместил три напольных вспышки, с разных сторон освещавших тело и место преступления. Аллейн открыл черный саквояж, натянул пару резиновых перчаток и достал бутылочку с маленькой воронкой. Он перелил туда немного вина из чаши. Найджел тем временем рассказывал все, что мог вспомнить из разговоров посвященных. Аллейн слушал, хмыкая и что-то бормоча себе под нос, затем убрал бутылочку обратно в саквояж. Бэйли приступил к работе, вооружившись распылителем и белым тальком.

– А где сосуд, который передавали по кругу два этих ангелочка? – спросил Аллейн. – Это он?

Инспектор указал на серебряный кувшин, стоявший в бархатной нише справа от престола.

– Да, он, – подтвердил Найджел. – Похоже, Клод не потерял голову, когда... когда это случилось.

– Клод – это кто: черная орхидея или рыжая лилия?

– Черная орхидея.

Аллейн обнюхал кувшин и наполнил еще одну бутылочку.

– Кажется, тут все в порядке, – пробормотал он. – Давайте еще раз обрисуем картину. Мисс Куэйн была в центре, а остальные стояли вокруг на коленях. Мистер Гарнетт, – слово

«отец» у меня как-то не выговаривается, мистер Гарнетт взял в руки чашу и передал... как его лучше назвать? Графин? Нет, все же кувшин. Так вот, он передал кувшин мистеру Ганимеду Клоду, провел рукой над чашей, и она вспыхнула. Похоже, не обошлось без метилового спирта.

– Скорее всего, – улыбнулся Касбек.

– Прекрасно. Потом коленапреклоненные адепты стали передавать чашу из рук в руки, брать у Клода кувшин и наливать в нее вино.

– И каждый при этом произносил одно слово, – вставил Найджел. – Но я понятия не имею, что они значили.

– Думаю, это были имена божеств, – предположил Касбек. – Сам я не отношусь к членам культа, однако бывал на их собраниях. Обычно они называют имена шести божеств. Хагринг, Хако, Фригг и так далее. Гарнетт – это Один, а Избранный сосуд – всегда Фригг. Смысл в том, что все божества воплощены в одном боге, и их сущности перемешиваются в чаше. Своего рода популярный пантеизм.

– Господи, помилуй, – отозвался Аллейн. – Ладно, идем дальше. Чаша шла по кругу. Наконец она дошла до последнего адепта, и что произошло потом?

– Чаша перешла к причетнику, он передал ее священнику, а тот протянул ее мисс Куэйн.

– И она выпила.

– Да, – подтвердил доктор Касбек, – она выпила, бедняжка.

Все немного помолчали.

– Вы говорили, что этим последним адептом был мужчина, так? Я помню, мы уже все обсудили, но мне надо знать наверняка.

– Я и говорю наверняка, – сказал Найжел. – Мистер Огден замыкал круг и передал чашу служке.

– Именно так, – согласился доктор.

– Это соответствует тому расположению, которое они нам только что продемонстрировали.

– А есть ли какая-то вероятность того, что мисс Куэйн сама подсыпала что-то в чашу?

– Нет, не думаю, – покачал головой Найджел. – Я видел, что она приняла ее обеими руками, взяв за ножку. Мисс Куэйн стояла в круге, озаренная светом факела. На руках у нее были кольца, я еще заметил, что пламя отражается в них так же ярко, как в драгоценностях на чаше. У меня в памяти отпечатались эта картинка. Она держала чашу в двух руках до тех пор, пока не выпила вино.

– А я ничего такого не помню, – признался доктор.

– Вы абсолютно уверены, Басгейт?

– Абсолютно. Могу поклясться.

– Может быть, и придется, – заметил Аллейн. – Доктор Касбек, вы сказали, что не относитесь к числу избранных. В таком случае, может быть, расскажете нам поподробней об этом месте? Это довольно необычная церковь.

Он развел руками, с недоумением оглядывая зал.

– Эти громадины вдоль стен... Кто, например, вон тот суровый господин с огромным топором? От одного его вида оторопь берет.

– Думаю, это Вотан, или Один, как хотите. А может быть, Тор. Честно говоря, не знаю. Здесь какая-то смесь германских культов и скандинавской мифологии, хотя, как видите, дело не ограничивается одной или даже дюжиной доктрин. По сути дела, это винегрет, который Гарнетт подает под собственным соусом. Статуи принесены в дар одной из прихожанок храма, очень богатой старой дамой.

– Старой дамой! – пробормотал Аллейн. – Надо же.

– Вид у них действительно угнетающий, – признал Касбек. – Может, перейдем в зал? Я бы с удовольствием присел.

– Разумеется, – кивнул Аллейн. – Фокс, прошу вас, набросайте план алтаря. Я скоро вернусь, и мы займемся остальными. Обведите контуры тела мелом и попросите кого-нибудь вызвать машину из морга. Басгейт, вы с нами?

Найджел и доктор Касбек проследовали за инспектором к первому ряду сидений, пышно обитых красным тисненым бархатом.

– Места для знати, – заметил Аллейн, опустившись на одно из них.

– Как видите, всего их семь. Шесть для адептов и один для Избранного сосуда. Отбор, очевидно, ведется среди самых достойных.

Касбек с удовольствием уселся на бархатный стул.

Это был невысокий крепкий мужчина лет пятидесяти пяти, довольно полный, коротко стриженный, с бледным лицом и маленькими умными глазами.

– Храм основал Гарнетт года два назад. В первый раз я услышал о нем от одной старой пациентки, которая живет неподалеку. Я навестил ее перед началом службы, и она пообещала, что как-нибудь сводит меня в церковь. С тех пор бываю здесь регулярно. Меня интересуют всякие странные места и – как бы это поточнее выразить – невероятные причуды человеческих верований. Доктрина театрализованного пантеизма, придуманная Гарнеттом, меня забавляет и интригует. Как, впрочем, и сам Гарнетт. Не имею ни малейшего понятия, где он нашел деньги, чтобы купить это место – раньше здесь был клуб неконформистов, – а тем более обставить его на новый лад. Может быть, собирал пожертвования. Огден – церковный староста или что-то в этом роде; надеюсь, он вам сам все расскажет. Как видите, дело поставлено на широкую ногу. Гарнетт у них единственный священник и отец-основатель в одном лице. Он явно практикует гипноз, что тоже очень любопытно. Та служба, которую вы сегодня видели, мистер Басгейт, проводится один раз в месяц и начинается новый цикл. Избранный сосуд – в данном случае, мисс Куэйн – должен был пройти ежемесячную подготовку, которая включает, насколько мне известно, подробный инструктаж и частную медитацию с Гарнеттом.

– Один и Фригг, – кивнул Аллейн. – Кажется, я начинаю понимать. Вы знакомы лично с кем-нибудь из посвященных?

– Огден представился мне несколько недель назад, а Гарнетт беседовал со мной в первый вечер. Наверное, искал новых почитателей.

– И это все?

– Да. Огден говорил, что мне нужно «познакомиться с людьми», но, – доктор улыбнулся, – я предпочитаю позицию наблюдателя и избегаю подобных вещей. Боюсь, больше ничего вам рассказать не смогу.

– Все это весьма познавательно и интересно. Спасибо, доктор Касбек. Не смею больше вас задерживать. Впрочем, возможно, доктор Кертис захочет перекинуться с вами парой слов. Я его сейчас пришлю. Разумеется, вы получите повестку в суд.

– Разумеется. Вы старший детектив Аллейн?

– Да.

– Я вас помню. Видел на суде над Теодором Робертсом.

– Вот как?

– Меня очень интересовало это дело. По профессии я психиатр.

– Вот как? – вежливо повторил Аллейн.

– Хорошо, что его признали невменяемым. Бедный Робертс, полиции не следовало настаивать на... на другом вердикте.

– Полиция всегда работает как машина. Боюсь, мне надо идти. Спокойной ночи. Басгейт, выпустите доктора Касбека, после того как он поговорит с Кертисом, хорошо?

Аллейн вернулся к алтарю. Окружной врач присоединился к Касбеку, и оба медика стали прохаживаться в проходе между стульями, о чем-то беседуя и наклонившись друг к другу с серьезным видом, как два школьника на городской олимпиаде. Найджел следовал за ними на почтительной дистанции. Время от времени до него доносилось слово «цианид». Наконец доктор Кертис кивнул Касбеку: «Да. Отлично. Спокойной ночи». Они обменялись рукопожатием. Найджел поспешил к двери и с трудом отодвинул тяжелый засов.

– Огромное спасибо, – поблагодарил доктор Касбек. – Сегодня вы оказали нам неоценимую помощь, мистер Басгейт.

– Честно говоря, я и сам этого не ожидал, сэр, – пробормотал Найджел. – Наверное, меня заставил запах.

– Да, конечно. Я как раз собирался попросить всех оставаться на местах, а тут заговорили вы. Благодарю за поддержку. А как мне теперь... о, все в порядке. Я вижу у двери констебля. Надеюсь, он меня выпустит. Спокойной ночи, мистер Басгейт.

Глава 5

Священник и два причетника

Констебль вернулся вместе с машиной из морга. Принесли носилки. Найджел старался держаться поближе к выходу, чтобы больше не смотреть на труп, но его с неумолимой силой тянуло обратно. Казалось, он присутствует на каком-то курьезном представлении. Аллейн включил все лампы, но они были слишком слабыми и давали красноватый тусклый свет. Факел потрескивал и мигал, неровно освещая сцену. Иногда он почти полностью угасал, иногда взрывался языками пламени, и фигуры у алтаря оживали и шевелились, хотя люди стояли неподвижно. Аллейн откинул край расшитой ткани и задумчиво разглядывал тело. Оно лежало в прежней позе, скорчившись так, словно его швырнули на пол с чудовищной силой. Доктор Кертис обронил несколько слов. В огромном зале его голос прозвучал глухо и уныло. Найджел уловил слова «трупное окоченение» и «быстро». Аллейн кивнул, и чудовищная тень, плясавшая на стене вместе с пламенем, гротескно повторила его жест. Два констебля нагнулись и положили труп на белые носилки. Кто-то вновь прикрыл его тканью. Доктор Кертис бросил полицейским несколько слов. Те подняли носилки и медленно двинулись по проходу, превращаясь по мере удаления от света в смутные силуэты. Грузно шагая, они обогнули Найджела и исчезли в проходе. У входа остался констебль, поэтому Найджел не стал снова запирает дверь. Он вернулся к алтарю.

– Я рад, что с этим покончено, – сказал он Аллейну.

– Что? А, вы о трупе.

– Похоже, вы заблудились в лабиринте собственных умозаключений, – съязвил Найджел. – И что нас ждет теперь?

– Дорогой Басгейт, вы выражаетесь, как Джордж Мур и Льюис Кэрролл вместе взятые. Я собираюсь допросить всех этих дам и джентльменов. И мне здесь совсем не нравится. Отвратительное место. Как вы сюда попали?

– Сам не знаю. Мне было скучно, и я увидел вывеску, качавшуюся под дождем... Наверное, захотелось острых ощущений.

– Учитывая вашу безнадежную наивность, вы вполне могли их получить. Фокс, у вас уже есть план?

– Нет, сэр, но я над этим работаю.

– Что ж, пока вы можете участвовать в допросе. Когда мы вызовем месье де Равиньи, у вас будет шанс попрактиковаться во французском.

Фокс слабо улыбнулся. Недавно он прошел курс французского на грампластинках и собирался продолжать обучение по радио.

– Боюсь, я не справлюсь с этой ролью, сэр, – возразил он, – но с удовольствием послушаю, как с ней справитесь вы.

– Боже, Фокс, вы хотите моего позора? Бэйли, отпечатки готовы?

– Работы невпроворот, – начал оправдываться криминалист.

– Тогда позовите первого свидетеля. Узнайте, кому не терпится поскорее отсюда уйти, – я допрошу их в первую очередь.

– Слушаюсь, сэр.

Бэйли с подчеркнuto безразличным видом вышел в алтарную дверь. Через минуту он вернулся.

– Там у джентльмена обморок, – буркнул он.

– Господи! – воскликнул Аллейн. – Кертис, посмотрите, что с ним, хорошо? У кого, Бэйли?

– У одного из тех парней в пурпурных рубахах. Теменького.

– Быть не может, – пробормотал Аллейн.

Доктор Кертис поцокал языком и быстро исчез из зала. Бэйли вернулся с отцом Гарнеттом.

– Очень сожалею, что пришлось вас задержать, сэр, – обратился к нему Аллейн, – но, думаю, вы понимаете – нам надо кое-что обсудить. Не хотите присесть в зале?

Гарнетт наклонил голову в знак согласия и первым спустился вниз. Он неторопливо присел на скамью, спрятав руки в длинных рукавах одежды. Фокс с невозмутимым видом пристроился неподалеку и, похоже, с головой ушел в изучение плана здания. Найджел, следуя взгляду Аллейна, присоединился к Фоксу и достал блокнот. В конце концов, стенограмма допросов никому не мешает. Отец Гарнетт даже не взглянул в их сторону. Аллейн подвинул большой складной стул и сел на него спиной к трепещущему факелу. Полицейский и священник взглянули друг на друга.

– Это ужасно! – громко произнес отец Гарнетт. В его мелодичном голосе звучала беспредельная печаль. – Это чудовищно.

– Неприятное дельце, не правда ли? – заметил Аллейн.

– Я потрясен. До сих пор не понимаю, что произошло. Какая неведомая сила поразила эту благословенную душу в момент духовного экстаза?

– Цианистый калий, – холодно ответил Аллейн. – Впрочем, это предварительная информация.

Вышивка на широком рукаве священника слегка дрогнула.

– Но ведь это яд, – промолвил отец Гарнетт.

– Смертельный, – подтвердил Аллейн.

– Ужасно, – повторил священник.

– Само собой, мы рассматриваем версию самоубийства.

– Самоубийства!

– Хотя должен признать, это маловероятно. С другой стороны, версия с несчастным случаем выглядит еще более неправдоподобно.

– Вы хотите сказать, что она... что ее... что произошло убийство?

– Решать присяжным. Наше дело – провести расследование. А пока, мистер Гарнетт, я хотел бы задать вам пару вопросов. Наверное, не стоит напоминать, что отвечать вы не обязаны.

– Увы, я ничего не смыслю в таких вещах. Мое дело – исполнять свой долг.

– Рад слышать, сэр, – вежливо отозвался Аллейн. – Теперь что касается покойной. У меня есть ее имя и адрес, но этого мало. Вы знали ее лично, а не только, как говорится, по долгу службы?

– Все мои чада – мои друзья. А Кара Куэйн была одной из самых близких. Ее благородная душа, инспектор...

– Аллейн, сэр.

– Ее благородная душа, инспектор Аллейн, удивительно подходила для того необычайного духовного опыта, к которому я, по дарованной мне милости, служил скромным проводником.

– Ну да... Как долго она была вашей прихожанкой?

– Дайте подумать. Я хорошо помню тот вечер, когда мы впервые встретились. Меня сразу охватило ощущение жизненной силы, очень интенсивной и – как бы поточнее это выразить – очень восприимчивой. У нас есть свои термины для выражения таких эмоций.

– Не думаю, что у меня есть необходимость в них разбираться, – сухо заметил Аллейн. – Вы можете назвать дату ее первого появления в церкви?

– Несомненно. Это было в праздник Эгера. Пятнадцатого декабря прошлого года.

– И с тех пор она постоянно посещала ваши службы?

– Да. Мисс Куйэн достигла высшей ступени посвящения.

– Вы имеете в виду, что она стала Избранным сосудом?

Отец Гарнетт бросил на инспектора испытующий взгляд:

– Так вы кое-что знаете о наших ритуалах, инспектор Аллейн?

– Боюсь, совсем немного.

– Видимо, вы тоже обладаете чрезвычайной восприимчивостью, не так ли?

– Скорее я просто ловлю факты, – ответил Аллейн, – как паук ловит мух.

– Понимаю. – Отец Гарнетт медленно кивнул. – Сейчас не время. Но когда-нибудь оно настанет, я уверен. Что ж, задавайте свои вопросы, инспектор.

– Полагаю, вы близко знали мисс Куэйн и часто с ней встречались – особенно во время подготовки к сегодняшней церемонии?

– Довольно часто.

– И в этом сегодняшнем обряде она носила имя Фригг?

– Верно, – нахмурившись, ответил отец Гарнетт.

– Жены Одина, если не ошибаюсь.

– Все взаимоотношения в наших ритуалах несут духовный смысл.

– Разумеется, – сказал Аллейн. – Вы не заметили, чтобы она была чем-нибудь расстроена или угнетена?

– Как раз напротив. Она пребывала в состоянии покоя и радости.

– Понятно. Никаких проблем с деньгами?

– С деньгами? Ну что вы. Мисс Куэйн обладала тем, что в мире называют богатством.

– А как это называете вы, сэр?

Священник неожиданно рассмеялся – искренне и по-детски.

– Я тоже называю это богатством, инспектор, – ответил он весело.

– Может быть, неудачный любовный роман? – настаивал Аллейн.

Отец Гарнетт немного помолчал. Потом с горечью заметил:

– Ах, инспектор, мы говорим на разных языках.

– Разве? Я не заметил, – возразил инспектор. – Тогда, может быть, переведете мой вопрос на свой язык? Или предпочитаете просто не отвечать?

– Вы меня неправильно поняли. Кару Куэйн не волновала земная любовь: она стояла на пороге любви небесной.

– И, кажется, переступила его.

– В ваших словах больше правды, чем вы сами думаете. Я искренне верю в то, что именно так и произошло.

– Значит, романа не было. – Аллейн сделал в блокноте пометку. – Она дружила с другими посвященными?

– Среди наших прихожан всегда царят гармония и любовь. Нет, я неправильно выразился... Посвященные просто принадлежат к другому миру, где все человеческие отношения растворяются в безразличии экстаза. Они не могут ненавидеть, потому что ненависти нет. Ненависть – это «майя», то есть попросту – иллюзия.

– А любовь?

– Если вы говорите о земной любви, она тоже иллюзорна.

– В таком случае, – заметил Аллейн, – если продолжить вашу мысль, поступки человека вообще не имеют никакого значения? Ведь они основаны на эмоциях, которые, по вашим словам, всего лишь иллюзия.

– Вот видите, – воскликнул отец Гарнетт, – я был прав! Когда-нибудь мы обязательно с вами побеседуем, мой друг.

– Вы слишком любезны, – ответил Аллейн. – Что имела в виду мисс Уэйд, сказав, что «такого не должно было случиться»?

– Мисс Уэйд так сказала?

– Да.

– Не знаю. Наверное, все эти события сильно повлияли на бедняжку.

– А что, по-вашему, подразумевала миссис Кэндур, заявив, что «должно было случиться что-то ужасное» и что она предупреждала об этом месье де Равиньи?

– Я этого не слышал, – ответил отец Гарнетт.

Вид у него был такой, словно и Аллейн, и миссис Кэндур допустили какую-то грубую бестактность.

– Еще один вопрос, мистер Гарнетт. Когда мисс Куэйн общалась с вами во время подготовки к церемонии, вы не заметили ничего такого, что могло бы пролить свет на это происшествие?

– Нет.

– Ваш храм впечатляет.

– Мы находим его очень красивым, – с гордостью ответил отец Гарнетт.

– Не считайте за дерзость, но я должен вас спросить: откуда вы берете деньги на все это великолепие? Собираете пожертвования?

– Прихожане считают своим долгом вносить вклад в благолепие Священного пламени.

– То есть они оплачивают текущие расходы?

– Да.

– Мисс Куэйн была щедрым спонсором?

– О да – благородная душа!

– Вы покупаете вино для церемонии?

– Покупаем.

– Будьте добры, назовите магазин и марку вина.

– Универмаг «Хэрродс». А название вина... Дайте припомнить... Кажется, «Ле конт инвэлид порт».

Аллейна слегка передернуло. Он сделал пометку в блокноте.

– Вы сами разливали вино? Я имею в виду, в серебряный кувшин?

– В данном случае – нет. Все приготовления делал Клод Уитли.

– Не могли бы вы поподробней описать, в чем заключались его обязанности?

– Конечно. Он должен был взять непечатую бутылку из шкафчика в моей комнате, откупорить вино и наполнить им сосуд. Затем подготовить чашу.

– Подготовить?

Лицо священника слегка изменилось. Оно стало высокомерным и упрямым.

– Да, нужны определенные приготовления, – ответил он важно.

– Вы имеете в виду пламя над чашей? Как вы это делаете? Метиловым спиртом?

– Да, в форме таблетки, – признался отец Гарнетт.

– Знаю, – понимающе кивнул Аллейн. – Женщины нагревают им щипцы для завивки.

– Возможно, – сухо согласился священник. – Чаша в нашем ритуале, инспектор Аллейн, предмет благословенный и священный. Когда в нее наливают вино, оно тоже становится священным. Наш обряд отчасти напоминает церемонии, принятые в некоторых христианских конфессиях, но имеет совершенно другое содержание и смысл.

– Я и не думал их путать, – холодно возразил Аллейн. – Наполнив сосуд, мистер Уитли должен был поставить его... Куда?

– В нишу, которая расположена в правой части алтаря.

– А что насчет спиртовой таблетки?

– Перед службой Клод подходит к алтарю и, трижды простершись перед факелом, снимает его с подставки. При этом он произносит молитвы на древнескандинавском. Потом он троекратно преклоняет колени, поднимается на ноги и... и...

– Бросает таблетку в чашу и ставит ее на место?

– Да.

– Ясно. По словам мистера Басгейта, пламя появилось после того, как вы взяли в руки чашу. Как это делается?

– Я использую... небольшой детонатор.

– В самом деле? Из чего он состоит?

– Кажется, из... диэтилцинка.

– Хм, вот как. Очень интересно. Наверное, в момент вспышки вам приходится на секунду отворачиваться?

– Совершенно верно.

– С этим все ясно. Последний вопрос. На территории храма хранятся какие-нибудь яды?

Лицо отца Гарнетта стало таким же белым, как его хламида, и он твердо сказал:

– Нет.

– Что ж, большое спасибо. Весьма признателен, что вы любезно согласились ответить на мои вопросы. Вас не затруднит, если я попрошу вас задержаться еще на некоторое время и подождать?.. У вас ведь есть ризница? Так вот, прошу подождать в ризнице, пока я побеседую с остальными. А вы пока сможете переодеться во что-нибудь менее торжественное.

– Я использую это время, чтобы предаться медитации и восстановить внутреннее равновесие и духовную гармонию.

– Прекрасная идея, – одобрил Аллейн.

– Между тем мое подсознание, неся в себе зачаток слова, проложит путь в ваши глубины. Ибо я смиренно сознаю, что могу помочь вам в ваших поисках. На свете есть много вещей, инспектор Аллейн, которые...

– Знаю, – поспешно перебил инспектор. – Вы не против, если вас обыщут?

– Обыщут? О... я... нет. Конечно, нет.

– Спасибо. Чистая формальность. Я кого-нибудь к вам пришлю.

Отец Гарнетт удалился в ризницу в сопровождении человека в штатском.

– Чушь, вранье, фальшивка, бред! – выпалил Аллейн, как только он ушел. – Фокс, что вы думаете об этом джентльмене?

– Мне очень интересно, сэр, – вежливо ответил Фокс, – понимает ли он сам, о чем говорит?

– Отлично сказано, дружище Фокс, отлично сказано. Басгейт, как вы там?

– В порядке, – отозвался Найджел.
– Наслаждаетесь представлением?
– Делаю стенографические записи. Ведь у вас, кажется, всегда была страсть к стенографии?

– Воистину, Господь! Вы читали «Старину Адама»?

– Да.

– Жаль, что Гарнетт не читал. Фокс!

– Сэр?

– Отправьте кого-нибудь в ризницу к мистеру Гарнетту для обыска. А потом обыщите всех остальных. Где тюремная надзирательница?

– Ждет в галерее.

– Она может заняться дамами. Нужно искать скомканную бумажку или что-то такое, в чем можно держать порох. Хотя вряд ли они ее найдут... Бэйли!

Сержант Бэйли подошел к инспектору.

– Сэр?

– Позовите следующего.

Бэйли исчез за маленькой дверью и вернулся с Клодом Уитли. Вид у сержанта был такой, словно при раздаче подарков ему достался худший. Фокс между тем привел еще одного человека в штатском и отправил его в ризницу.

– Этот джентльмен неважно себя чувствует, сэр. Просится домой, – пояснил сержант Бэйли.

– Да, да! – воскликнул Клод. – Пожалуйста. Прошу вас!

– Мне очень жаль, что вы так расстроены, мистер Уитли, – произнес Аллейн.

– Расстроен? Я едва живой, инспектор. Мне ужасно плохо. Можно, я сяду?

– Пожалуйста.

Клод рухнул на одно из мест для посвященных и выпучил глаза.

– Я просто с ума схожу, – простонал он.

– Что вас так напугало?

– Эта ужасная старуха. Она говорит чудовищные вещи. Все старухи ужасны.

– Кого вы имеете в виду?

– Ту старую даму, Кэндур.

– И что она сказала?

– Не помню. Я в шоке.

Из комнаты Гарнетта выглянул доктор Кертис.

– Мистер Уитли немного нервничал, – объяснил он весело, – но сейчас с ним все в порядке. Я дал ему глотнуть превосходного бренди. Отец Гарнетт знает толк в спиртном.

– Превосходно, – отозвался Аллейн. – А теперь будьте добры, вернитесь обратно, Кертис. Возможно, кому-то понадобится ваша помощь.

– Есть.

Доктор переглянулся с Аллейном и исчез за дверью.

– Итак, мистер Уитли, – начал Аллейн, – похоже, вам стало легче. Я должен задать несколько вопросов. Можете на них не отвечать, если у вас есть на то причины.

– Ага, как же! Я не стану отвечать, а вы меня в чем-то заподозрите.

– Все может быть.

– Видите!

– Выбор, не из легких, – признал инспектор.

– Ладно, спрашивайте, – капризно протянул Клод. – Я хоть послушаю, что это за вопросы.

– Первый я уже задал. Что вам сказала миссис Кэндур?

Клод поерзал на месте.

– Старая ведьма. Она ревнует к каждому, на кого отец Гарнетт обращает хоть какое-то внимание. И всех поливает грязью, особенно меня и Лайонела. Какого черта! Все и так знают. Я не такой дурак, чтобы...

Клод прикусил язык.

– Чтобы что, мистер Уитли?

– Чтобы сделать что-нибудь *такое*, даже если бы хотел. И потом, мне всегда нравилась Кара Куэйн. Она была приятная женщина и очень симпатичная.

– Вы не такой дурак, чтобы сделать что? – терпеливо повторил Аллейн.

– Чтобы... Чтобы подлить что-нибудь в вино. Все знают: была моя очередь делать приготовления.

– То есть вы налили вино в серебряный кувшин и положили в чашу спиртовую таблетку. А что предполагает миссис Кэндур?

– Ничего она не предполагает. Просто говорит, что я это сделал. Твердит без конца. Старая стерва!

– Не стоит так волноваться. Мистер Уитли, а теперь подумайте как следует: разливая вино, не заметили вы какого-нибудь странного и необычного запаха?

– Странного запаха? – Глаза Клода стали еще шире. – Странного запаха!

– Да, какого-нибудь запаха.

– Само собой, я зажег все камины. У нас чудесные благовония, инспектор, вы не согласны? Отец Гарнетт получает их из Индии. Там цветки сладкого миндаля. И лампадное масло. Мы сжигаем его перед алтарем. Перед тем как взять вино, я раскурив фимиам. Аромат был божественный.

– Понятно. Вы взяли вино в комнате мистера Гарнетта. Бутылка была запечатана?

– Да, я сам вытаскивал пробку.

– И вы больше ничего не наливали в кувшин?

Клод в замешательстве умолк.

– Я... Я не подмешивал яд, если вы это имеете в виду.

– Так что еще вы туда добавили?

– Ну... раз если вы спрашиваете... Я подлил жидкость из бутылочки отца Гарнетта. Она имеет ритуальное значение. Мы так всегда делаем.

– Вы знаете, что в ней?

– Нет.

– Где хранится бутылка?

– В маленьком шкафчике у отца Гарнетта.

– Ясно. Во время церемонии вы по очереди давали вино каждому из посвященных. Вам не показалось, что в какой-то момент у чаши появился необычный запах?

– Я не притрагивался к чаше, инспектор. Даже пальцем не коснулся. Они сами передавали ее из рук в руки. И никакого особенного запаха не чувствовал. Только благовоние.

– Ладно. Вы заметили, что произошло с мисс Куэйн, когда она выпила вино из чаши?

– Заметил ли я? Господи, конечно.

– И что случилось?

– Что-то кошмарное. Я сначала думал, что она находится в экстазе. То есть она и правда находилась – пока не взяла чашу. Говорила странные вещи и все такое. Но потом она выпила, и тут... Боже, это было ужасно. Она будто бы ахнула... Знаете, был такой глубокий вдох, со свистом. Потом скорчила жуткую гримасу, немного повернулась и уронила чашу. И глаза у нее стали как у куклы. Плоские такие, блестящие. А потом ее всю перевернуло, она дернулась и... Ох... В общем, дернулась и шлепнулась на пол. Господи, я сейчас умру.

– Не умрете, – заверил Аллейн. – Вы пойдете домой. Но сначала вам надо заглянуть в ризницу и переодеться.

– А где Лайонел?

– Он присоединится к вам через минуту. Всего доброго.

– О-ох. – Клод устремил на Аллейна страдальческий взгляд. – Какой вы чудесный человек, инспектор. Если бы не вы, мне бы стало совсем плохо. До свидания.

– Спокойной ночи.

Клод под присмотром констебля засеменил в ризницу, откуда вскоре послышался его жалобный писк: полиция приступила к обыску.

– О-ох, – вдруг протянул инспектор Фокс тоненьким голосом. – Господи, я сейчас умру!

– Очень похоже, – усмехнулся Найджел.

– До чего гадкий, безмозглый и тошнотворный малец.

– Ужасно, правда? – рассеянно поддакнул Аллейн. – Черт бы побрал этот фамиам, – добавил он с досадой. – Сладкий миндаль, как раз то, что... – Он замолчал и задумчиво взглянул на Фокса. – Послушаем Лайонела.

Привели Лайонела. Он вел себя так, словно был точной копией Клода, и не сообщил ничего такого, что могло бы прояснить обстоятельства дела. Его тоже отправили в ризницу, откуда он вскоре появился вместе с Клодом: один – в сизо-голубом, другой – в розовато-коричневом костюме. Оба быстро юркнули в проход и исчезли за дверью. Аллейн послал за миссис Кэндур.

Глава 6

Миссис Кэндур и мистер Огден

Миссис Кэндур долго плакала и размазывала по щекам косметику. Потом она вытерла слезы и попыталась спасти макияж. Ее лицо превратилось в кашу из румян, теней и туши для ресниц. Они крупными хлопьями свисали с кожи. Вид у нее был одновременно испуганный, недоуменный и воинственный. Ее руки дрожали. Несмотря на солидную фигуру, она выглядела совершенно беспомощной. Когда Аллейн предложил ей сесть, миссис Кэндур сморщила тонкие губы, что-то невнятно прошептала и зашагала к ним неуверенной походкой, словно боясь свалиться со своих французских каблуков. От нее за версту несло духами с запахом фиалки. Подождав, когда она как следует усядется, Аллейн, как и всегда, сказал, что она не обязана отвечать на его вопросы. Он сделал паузу, но женщина не ответила – просто сидела и смотрела перед собой тусклым взглядом.

– Значит, возражений у вас нет... Скажите, мисс Кара Куэйн была вашей подругой?

– Я бы так не сказала.

– Просто приятельницей?

– Да. Мы... Мы встречались только здесь. – Она говорила тихим голосом с легкой хрипотцой. – Правда, я навещала ее пару раз.

– У вас есть какие-то мысли насчет произошедшего?

– О боже! – простонала миссис Кэндур. – Я знаю, это была расплата.

– Расплата?

Миссис Кэндур достала из-за корсажа кружевной платок.

– А что такого сделала мисс Куэйн, – спросил Аллейн, – чтобы заслужить столь ужасное наказание?

– Она возжаждала славы Одина!

– Боюсь, я плохо понимаю, что вы имеете в виду.

– Я в этом убеждена, – добавила мисс Кэндур таким тоном, словно речь шла о простых и всем понятных вещах. – Отец Гарнетт стоит выше всего этого. Этот человек не от мира

сего. Он сам нам часто об этом говорил. Но Кара была очень страстной женщиной. – Миссис Кэндур понизила голос и добавила вкрадчивым шепотком: – Кара страдала гиперсексуальностью. Прошу прощения.

– Вот как, – сказал Аллейн.

– Да. Конечно, я знаю, что экстатический союз благословен, но одно дело экстатический союз, а другое...

Миссис Кэндур испуганно запнулась и прикусила язык.

– Вы хотите сказать... – начал Аллейн.

– Я не имела в виду ничего конкретного, – поторопилась добавить миссис Кэндур. – Прошу вас, не придавайте моим словам никакого значения. Это всё мои фантазии. Я ужасно расстроена... Бедная Кара. Бедная, бедная Кара!

– Мистер Клод Уитли сказал...

– Не слушайте, что говорит вам эта маленькая дрянь, мистер... э... инспектор...

– Инспектор Аллейн, мадам.

– Да... инспектор Аллейн. Этот Клод – та еще свинья. Вечно сует нос в чужие дела. Я жаловалась отцу Гарнетту, но он слишком добр, чтобы замечать такие вещи.

– Насколько я понял, мистера Уитли очень расстроили ваши предположения насчет его участия в подготовке к службе.

– Ну а кто в этом виноват? Он и сам без конца твердил: убийство, убийство, потому что Кара – такая милая женщина, и все к ней ревновали. Вот и я спросила: «Хорошо, если это убийство, то кто готовил чашу и кувшин?» Тут он возьми и хлопнись в обморок. Помоему, все это очень подозрительно.

– Кажется, мисс Куэйн была очень хороша собой? – небрежно спросил Аллейн.

– Я этого не нахожу. Только если вам нравится такой тип. Но все эти разговоры были только потому, что месье де Равиньи влюбился в нее по уши: вы же знаете этих иностранцев. Им только подмигни, они и рады. А кто вам это сказал? Клод? Или отец Гарнетт? Неужели отец Гарнетт?

– Честно говоря, не помню, – ответил Аллейн.

Миссис Кэндур вздернула подбородок. На секунду ее лицо стало почти пугающим.

– Ну, теперь-то она точно не красавица, – произнесла она тихо.

Аллейн отвернулся.

– Я вас надолго не задержу, – сказал он. – Остался всего один вопрос. Вы были первой, кто принял чашу из рук мистера Гарнетта. Вам не показалось, что от нее как-то странно пахло?

– Не знаю. Не помню. Нет, не думаю.

– Ясно. Спасибо. На этом все.

– Я могу идти домой?

– Да. В вестибюле ждет надзирательница. Вы не будете против, если вас обыщут?

– Обыщут!

– Стандартный осмотр. Обычная процедура.

– О, в таком случае... Если это необходимо...

– Спасибо. Позже вам пришлют повестку в суд.

– В суд! Какой ужас! Нет, я этого не вынесу, я... Я так восприимчива! Инспектор Аллейн, вы невероятно добры. А я-то думала, что все полицейские – грубияны.

Она смотрела на него с видом слабой и беспомощной женщины, хотя взгляд ее оставался внимательным и цепким. Выглядело это довольно жутко. Миссис Кэндур протянула ему руку:

– До свидания, инспектор Аллейн.

– Всего доброго, мадам.

Она заковыляла прочь на высоких каблуках.

– М-да, неприятное дельце, – процедил сквозь зубы Найджел.

– Особенно если учесть, что это убийство, – сдержанно напомнил Фокс.

– «Гнуснее всех и всех бесчеловечней», – процитировал Аллейн. – Впрочем, я с вами согласен, Басгейт. Бэйли!

– Я! – выкрикнул криминалист, внезапно появившись из-за кафедры.

– Позовите следующего, пожалуйста.

– Есть, сэр.

– А что вы думаете о миссис Кэндур? – обратился Аллейн к Басгейту.

– Злобная старая дева! – выпалил Найджел.

– Пожалуй, вы правы. Типичный случай. Все признаки налицо. Но ее ревность представляет интерес... Вы согласны, Фокс?

– Вполне, – кивнул Фокс. – Отец Гарнетт – весьма импозантный священник.

– В точку.

– Когда она сказала, что Кара больше не красавица, – продолжал Найджел, – мне показалось, что перед нами воплощение зла. Ненависть в чистом виде. Странно, что вы позволили ей уйти. Я бы сразу надел на нее наручники.

– Не перегибайте палку, – рассеянно возразил Аллейн.

– Иду, уже иду! – раздался издали голос мистера Огдена. – Ну, и где ваш шеф?

Он вошел в алтарь вместе с Бэйли и, увидев Аллейна, стремительно зашагал к нему.

– Так-так! – прогудел мистер Огден. – Вот кто к нам пожаловал!

– Как видите, – отозвался Аллейн. – Зрелище довольно скучное, не правда ли? Скромные труженики закона и порядка.

– А что случилось, инспектор? У вас такой вид, словно вам осточертел весь белый свет.

– Неужели, мистер Огден?

– Да, и очень жаль, потому что я-то собирался поближе познакомиться с местным криминальным сыском.

– Значит, вы больше не будете говорить, как хороша наша полиция?

– Нет, почему же? Я этого не сказал.

– Кстати, не возражаете, если я задам вам несколько скучных вопросов, мистер Огден? Как говорится, работа есть работа.

– Валяйте. Ух ты! – добавил мистер Огден, с удовольствием разглядывая Аллейна. – Должен признать, видок у вас что надо. Эдакий британский стиль, когда даже дыры латают дорогим сукном. А элегантные манеры – прямо как в старом детективе. Просто глазам не верю.

Найджел, сидевший рядом с Фоксом, не удержался от смешка. Аллейн заметил это и сдвинул брови.

– Что ж, весьма исчерпывающее описание, – буркнул он и поспешил перейти к делу.

Он расспросил Огдена про странный запах и получил стандартный ответ: аромат благовоний был так силен, что перебивал все остальное.

– Впрочем, теперь, когда вы спросили, – задумчиво протянул мистер Огден, – я припоминаю, что сегодня вечером запах показался мне слишком крепким. Я еще подумал, что эта парочка олухов здорово переборщила с дозой.

– Не помните, в какой именно момент вам пришла в голову эта мысль?

Крупное лицо мистера Огдена налилось краской. Аллейн в первый раз заметил, что он колеблется.

– Мистер Огден?

– Просите, инспектор, но я не помню. Честное слово.

– Мисс Дженкинс стояла следом за вами?

– Да, – безучастно ответил мистер Огден.

– Понятно. Сэр, я хочу сказать вам одну вещь. Вы ведь бизнесмен, не так ли?

– Именно так.

– Замечательно. Я понятия не имею, что привело вас в это общество, и не собираюсь задавать неудобных вопросов, но мне нужен разумный человек, который может трезво взглянуть на всю эту ситуацию. Здравомыслящий и практичный.

– Взгляд изнутри, – кивнул мистер Огден.

– Верно.

– Спрашивайте. Может быть, я отвечу. Может, нет. Может, я ничего не знаю.

– Кажется, вы занимаете в храме высокий пост?

– Да, я церковный староста.

– Наверное, вы хорошо знакомы с прихожанами?

– Еще бы. Мы все держимся друг за друга. Поддержка – прежде всего. Правда, вначале мне пришлось здорово попотеть, чтобы растопить лед. Британцы ведь всегда немного замороженные. На первых собраниях все сидели молча, словно кол проглотили. Но теперь мы дружная семья.

– Вы принимали участие в создании общества?

– Ну да... Это было сто лет назад. Я познакомился с отцом Гарнеттом, когда ездил по Британии. Работа у меня такая – много ездить. В тот раз, помнится, я попал в золото-промышленную компанию в Брайтуотер-Крик. Подарил отцу Гарнетту маленький золотой слиток, в качестве сувенира. Это было в мае, два года назад. И знаете, отец Гарнетт тогда произвел на меня огромное впечатление.

– Еще бы, – кивнул Аллейн.

– Да, сэр. Видите ли, я в жизни всего добился сам. Родился чуть ли не в трущобах, воспитания у меня ноль, но к культуре питаю большое уважение. Люблю, чтобы ее подавали широко и с размахом – как отец Гарнетт. Когда мы добрались до Саутгемптона, у нас возникла идея насчет этой церкви, а всего через полгода в ней было уже триста прихожан.

– Подумать только, – сказал Аллейн.

– Да, потрясающе.

– А где вы взяли деньги?

– У прихожан, конечно. Отец Гарнетт снял небольшой зал на Грейт-Холланд-роуд. По сравнению с этим храмом – жалкая халупа, но мы превратили ее в золотую жилу. Отец Гарнетт служил каждый вечер. Он там дневал и ночевал. Через месяц у нас уже был свой интеллектуальный кружок. Всего два-три человека, но они привели остальных. Люди, кстати, очень влиятельные. Короче, когда собралось достаточно последователей, отец Гарнетт объявил сбор средств и толкнул зажигательную речь. Все рыдали. Я сам дал пять штук и ничуть этого не стыжусь.

– А кто еще делал пожертвования?

– Кто? Ну, Дагмар Кэндур отхватила себе плюшевое кресло за тысячу фунтов, и бедняжка Кара дала примерно столько же. Обе дамы взяли на себя главные расходы. Потом был еще месье де Равиньи и... и прочие адепты. Долго всех перечислять.

– Мисс Куэйн была богата?

– Дьявольски богата, и притом добрейшая душа. Представьте: только в последний месяц она положила в наш сейф – тот, что за алтарем, – ценные бумаги на пять тысяч фунтов! Они и сейчас там лежат, пока мы не соберем еще столько же и не начнем строить новую церковь. Вот такая щедрость.

Найджел на секунду оторвался от своих записей, чтобы посмотреть на восторженного мистера Огдена и поразмыслить о том, до чего легкомысленны и доверчивы бывают люди. Никого из них нельзя было назвать глупым и наивным, кроме разве что миссис Кэндур. Мисс

Куэйн выглядела интересной женщиной. Мистер Огден производил впечатление опытного бизнесмена. Джейни Дженкинс, Морис Прингл, месье де Равиньи – все они нисколько не походили на болванов. (Про мисс Уэйд он начисто забыл.) И вот на тебе: отец Гарнетт одурчил их так, что они добровольно отдали ему свои деньги. Невероятно! Потом Найджел вспомнил, как на него самого подействовала недавняя проповедь священника, и его пыл немного унялся.

– Вот такая щедрость, – повторил мистер Огден.

– Каковы были отношения между покойной и месье де Равиньи?

– Он втрескался в нее по уши, – лаконично ответил бизнесмен.

– А я думал, адепты выше земной любви, – заметил Аллейн.

– Наверное, месье де Равиньи еще не полностью освободился от оков плоти, – строго возразил мистер Огден. – Но заметьте, сэр: Кару это не интересовало. Нисколечко. Ее душа жаждала только тайных глубин духа.

– Вы слышали, о чем говорили мистер Прингл и миссис Кэндур сразу после трагедии?

Мистер Огден замялся:

– Не то чтобы...

Аллейн сверился с блокнотом и вслух прочитал то, что рассказал ему Найджел.

– Мистер Прингл заявил: «Мы устраивали фарс». Потом упомянул про возмездие. Затем обратился к миссис Кэндур: «Вы бы сами хотели оказаться на ее месте». Что все это значит, мистер Огден?

– Понятия не имею, – ответил бизнесмен с встревоженным видом. – Честное слово, шеф. Возможно, между дамами было какое-то соперничество по поводу... э-э... духовных привилегий. И, возможно, мистер Прингл решил, что миссис Кэндур сама хотела бы стать Избранным сосудом.

– Понятно.

– Не придавайте этому особого значения. Все были слишком ошарашены. Я и сам как комок нервов. Вот черт! – воскликнул он с досадой. – Смертельно хочется курить.

– Мне тоже, – признался Аллейн. – Все отдал бы за хорошую трубку. Но, боюсь, мне сегодня уже ничего не светит, зато вы, мистер Огден, можете быть свободны.

Бизнесмен уставился на него с изумлением.

– Ну и ну! – присвистнул он. – Вот так сюрприз. Хотите сказать, что эту ночь я проведу не за решеткой?

– Надеюсь, и следующие тоже. До начала суда вы нам больше не понадобится, если только не вспомните что-нибудь такое, о чем нам следует знать. Разумеется, если у вас есть какая-то своя версия, я буду очень рад...

– Будь я проклят! – прогремел мистер Огден. – Скажите мне вот что. У вас в Скотленд-Ярде все такие? – Он покосился на Фокса и понизил голос до пронзительного шепота: – На вид парень как парень. Но если я с ним заговорю, он, наверное, превратится в живой справочник хорошего тона. Ведь так?

– А вы познакомьтесь с инспектором и решите сами, – предложил Аллейн. – Фокс!

Фокс неторопливо встал и с серьезным видом направился к начальнику.

– Мистер Огден находит наши методы немного скучноватыми.

– В самом деле, сэр?

– Да. У вас есть какие-нибудь свежие идеи? Может быть, зададите мистеру Огдену парочку вопросов? Только что-нибудь позажигательней.

– Даже не знаю, сэр. Разве что... – Он помедлил и взглянул на Аллейна. – Может быть, мистер Огден расскажет нам о... содержимом чаши?

– Расскажите, мистер Огден?

– Без проблем. Обычное пойло из универмага. «Инвалид порт». Полградуса алкоголя. Хотя...

– Да?

– Раз уж вы спросили, я думаю, отец Гарнетт добавляет туда кое-что покрепче. Скорее всего, бренди. Точно не знаю.

– Слышали, Фокс? Есть еще вопросы?

– Вряд ли, сэр, – улыбнулся Фокс. – Джентльмен не будет против, если его обыщут?

– Вы не возражаете, если мы вас обыщем, мистер Огден? Это довольно быстрая процедура.

– Будь я проклят! – воскликнул бизнесмен.

Мистер Огден перевел взгляд с Аллейна на Фокса. Потом поднял глаза к небу, провел ладонью по макушке и расхохотался.

– Господи, да пожалуйте! – гаркнул он. – Валяйте. Не возражаю ли я!

– Подержите, Фокс, – попросил Аллейн.

Фокс взял блокнот, а Аллейн повернулся к мистеру Огдену и с ловкостью уличного ворюшки проверил содержимое его карманов.

– Бумажник. Пятифунтовая банкнота и три шиллинга. Книжка карманного формата. Письмо. Напечатано на пишущей машинке, с почтовой маркой и печатью. Адрес: «Гектор К. Мэнвилль, компания «Огден – Шульц: добыча и переработка золота», дом восемьдесят один, Сорок пятая Восточная улица, Бостон, штат Массачусетс». Письмо посвящено новым способам аффинажа. Много технических терминов.

Фокс погрузился в чтение письма.

– Счет от «Хэрродс» на десять фунтов. Оплачен по предъявлению. Дата: второе ноября этого года. Письмо, начинающееся со слов «Дорогой Сэм» и подписанное «Гек». Дата...

Аллейн продолжал обыск, бормоча себе под нос. Наконец все закончилось, и мистер Огден, посмеиваясь, опустил руки.

– Пузырька с ядом нет, – небрежно заключил Аллейн. – Вы свободны, сэр.

– Хорошая работа, – одобрил мистер Огден. – Даже в Штатах меня бы не обыскали лучше. А это о многом говорит. Ладно, инспектор, если вы закончили, я, пожалуй, пойду. А то получается как-то нехорошо: я тут балагурю, а Кара Куэйн лежит там... как правильно сказать: убитая?

– Это решит суд, мистер Огден.

Открытое лицо американца вдруг стало преувеличенно серьезным, как у клоуна или ребенка, которого наказали за баловство.

– Если это убийство, – произнес он тихо, – и если возникнут проблемы с его расследованием... Имейте в виду, шеф: у меня есть доллары, и я пока еще не парализован.

С этим загадочным замечанием мистер Огден удалился.

– Скажите, реальный ли это человек? – спросил Найджел. – Или убийца с замашками провинциального актера? В нем больше американского, чем в любом американце. Он...

– Хватит громких восклицаний, Басгейт. Вы громыхаете, как хор журналистов из греческой трагедии. Фокс, что хотел сказать джентльмен своей последней фразой? Насчет того, что он не парализован?

– Судя по всему, он предлагал крупную сумму денег полиции и прокуратуре, сэр.

– Завуалированный подкуп, – вставил Найджел. – Говорю вам, ни один американец...

– Не знаю, не знаю. Глаза у него, по крайней мере, настоящие. Люди обычно соответствуют своему типу. Это аксиома полицейского сыска. Позовите следующего, Бэйли.

Следующей была Джейни Дженкинс.

Глава 7

Джейни и Морис

Мисс Дженкинс точно соответствовала своему имени. Невысокая, плотная, с прямыми волосами, аккуратной прической, блестящими черными глазами, вздернутым носиком и «удивленным» ртом – именно такой представляется всякая Джейни, стоит только услышать это имя. Не отличаясь особенной красотой, она все же выглядела привлекательной. Ей было не больше двадцати двух. Мисс Дженкинс энергично подошла к Аллейну, спокойно села на стул и произнесла:

– Давайте с этим покончим, инспектор, и побыстрее. Я отвечу на любые вопросы, даже самые компрометирующие, лишь бы все скорей закончилось.

– «Благодарю богов любых», – весело продекламировал Аллейн. – В таком месте это звучит особенно уместно, не правда ли?

– О да, они щедро осыпают нас своими дарами, – подтвердила мисс Джейни.

– Прошу прощения. Я не хотел вас обидеть.

– Вы и не обидели. Я не дура. Честно говоря, все это – довольно сомнительное шоу.

– Хм, не ожидал услышать такого от посвященной.

– Неужели? Признаюсь, мне не хватает благочестия. Увы, я собираюсь отречься от веры, инспектор Аллейн. И не из-за этой ужасной истории, хотя... Хотя она выставила нас в очень неприглядном виде. – Девушка немного помолчала, наморщив лоб. – Наверное, вам все это кажется жуткой чепухой, но... в этом что-то есть. По крайней мере, так мне казалось раньше.

– В студенческие годы я несколько месяцев состоял в Плимутском братстве. Тогда мне это казалось очень важным. Кажется, потом они ударились в черную магию.

– Точно. Морис тоже ходил к ним во время учебы. Теперь перешел сюда.

– Вы имеете в виду мистера Прингла?

– Да.

– Это он привел вас в храм?

– Ловко вы, – сказала Джейни. – Да, он.

– Когда это произошло?

– Примерно полгода назад.

– Значит, вы сделали быструю карьеру.

– Сегодня вечером я в первый раз была на службе в качестве адепта. Морис стал им намного раньше... Через неделю я должна пройти специальное посвящение.

– Но вы не станете его проходить?

– Нет, – ответила Джейни.

– Можете сказать почему?

– Боюсь, что не могу. – Она задумчиво взглянула на Аллейна. – Ладно, скажу. У меня появились сомнения. По правде говоря, уже давно.

– Тогда зачем?..

– Это нужно не мне, а Морису. Мы с ним помолвлены. А он только об этом и говорит. И потом, Морис слишком восприимчив и чувствителен... Я бы даже сказала – уязвим... И...

– И вы ходите в эту церковь, чтобы за ним присматривать, так?

– Да. Не знаю, зачем я вам это говорю.

– Не беспокойтесь, вам это не повредит. Как вы думаете, мисс Дженкинс, почему мистер Прингл говорил, что мистер Гарнетт затыкает всем рты? И что миссис Кэндур хотела бы оказаться на месте мисс Куэйн. И что он сам намерен всем о чем-то рассказать?

– Откуда вам известно, что Морис все это говорил?

– Наверное, вы помните, что я появился как раз в тот момент, когда мистер Прингл во всеуслышание высказывал недовольство. Увидев меня, он оборвал себя на полуслове. В общем, что-то я слышал сам, что-то рассказал мистер Басгейт. Так что он имел в виду?

– Простите, но я вам не отвечу.

– Нет? Почему?

– Не хочу ворошить грязное белье. Все это не имеет никакого отношения к тому, что случилось. Я в этом уверена.

– Напрасно. Выслушайте меня, пожалуйста. Мистер Басгейт готов подтвердить под присягой, что мисс Куэйн ничего не добавляла в чашу. Она взяла ее за ножку обеими руками и выпила до дна, не меняя позы. И две минуты спустя умерла. До этого чаша шла по кругу между посвященными. Больше ее никто не касался, кроме мистера Гарнетта и одного из слуг. Неужели вы не понимаете, как важны в такой ситуации взаимоотношения между этими людьми? И неужели не согласны с тем, что я должен знать о них как можно больше? Я не уговариваю вас поступить против совести: это далеко выходит за рамки моих полномочий. Но я прошу вас, мисс Дженкинс, не говорите мне: «Это никак не связано с делом». Никто не знает, что с ним связано, а что нет. Есть только один человек, который может дать ответ.

– Вы хотите сказать – преступник?

– Да. Если он существует.

Наступило долгое молчание.

– Хорошо, я расскажу, – заговорила наконец Джейни. – Морис боготворил отца Гарнетта. Буквально обожал его, как сказал мистер Огден. Думаю, отец Гарнетт полностью захватил его воображение. Морис вообще очень подвержен внушению со стороны.

– Понимаю.

– Я и сама чувствовала то же самое. Когда он произносит проповедь, происходит нечто необыкновенное. Кажется, что тебе открывается новая истина. Все становится таким стройным и понятным.

– Чувство абсолютной ясности, – пробормотал Аллейн. – Его испытывают курильщики опиума.

Джейни вспыхнула.

– Вы хотите сказать, что он одурманивает нас словами? Я с этим не согласна. О чем мы говорили? Ах, да. В последнее время Морис начал подозревать, что за кулисами этого общества происходит что-то неприглядное. Он возвел образ отца Гарнетта на недостижимую высоту, и малейшей намек на... на суетность казался ему недопустимым. Между тем кое-кто из прихожанок – я говорю про миссис Кэндур и бедняжку Кару – впали в явное нечестие. Морис пытался как-то на это повлиять. Он был очень возмущен... Вот что он имел в виду, говоря про миссис Кэндур.

– То есть он хотел сказать, что миссис Кэндур ревновала к мисс Куэйн, а мистер Гарнетт это замалчивал?

– Да.

– Ясно.

– Но это не значит, что миссис Кэндур ревновала настолько, что... Нет, пожалуйста, не подумайте ничего такого. Все это глупости. Морис просто закатил истерику. Он все преувеличивает. Вы мне верите? Правда верите?

– Пока рано об этом говорить, – покачал головой Аллейн. – Боюсь, вы многого не учитываете.

– Ничего подобного! Господи, зачем я вам рассказала! Я не скажу больше ни слова. Отпустите меня.

Голос Джейни задрожал. Ее глаза расширились, она вскочила с места, стиснув руки и тяжело дыша.

– Я вас не задерживаю, мисс Дженкинс, – спокойно ответил Аллейн. – После всего пережитого неудивительно, что у вас сдали нервы. Поверьте, вам незачем сожалеть о рассказанном. Даже наоборот. Люди плохо понимают, что в таких ситуациях помогать полиции – это их моральный долг и что, скрывая информацию, они могут нанести непоправимый вред множеству невинных граждан. Впрочем, это неуместный пафос, еще чуть-чуть – и начну нести полную околесицу... Берегите себя, мисс Дженкинс, и бегите домой.

Джейни выдавила из себя улыбку и провела рукой по лбу.

– О боже, – выдохнула она.

– Вы устали, – торопливо добавил Аллейн. – Басгейт, сбегайте на улицу и поймайте такси для мисс Дженкинс.

– Я лучше подожду Мориса.

– Уверены? Может, хотите выпить немного бренди мистера Гарнетта?

– Нет, спасибо. Я просто посижу где-нибудь в заднем ряду.

– Как угодно. Но сначала, если вы не против, вас обыщет наша надзирательница. Вас уже обыскивали раньше?

– Никогда. Это ужасно, но, наверное, у меня нет выбора.

– Боюсь, что нет. Инспектор Фокс вас проводит. А я пока побеседую с вашим молодым человеком.

Джейни с решительным видом прошла между рядами и исчезла в темноте. Через минуту Фокс вернулся, а Бэйли отправился за Морисом Принглом.

Появившись в храме, Морис быстро огляделся и, увидев Аллейна, застыл на месте. По приглашению инспектора он медленно спустился в зал, но садиться не стал. Вместо этого он остался стоять, сунув руки в карманы и покачиваясь на месте.

– Итак, приступим, – весело сказал Аллейн.

– Где Джейни? То есть мисс Дженкинс? – спросил Морис.

– Она вас ждет.

– Что вы хотите узнать?

– Все, что вы можете сказать по этому делу.

Морис замолчал. Аллейн снова спросил его про запах и услышал ответ про ладан. Затем инспектор взял свой блокнот и зачитал слова, произнесенные мистером Принглом накануне.

– О чем вы собирались рассказать, когда я вошел в зал?

– Ни о чем.

– Вы всегда не заканчиваете фразы, мистер Прингл?

– То есть?

– Вы крикнули: «Я все им расскажу», – но, увидев меня, замолчали.

Морис вытащил одну руку из кармана и стал кусать ногти.

– Отвечайте. Почему вы сказали про возмездие? Зачем миссис Кэндур хотела занять место мисс Куэйн? Что замалчивал мистер Гарнетт? И что вы собирались «всем рассказать»?

– Я отказываюсь отвечать. Это мое дело.

– Прекрасно. Фокс!

– Сэр?

– Передайте мисс Дженкинс, что мистер Прингл отказывается говорить с полицией, так что она может его не ждать. Проследите за тем, чтобы ей вызвали такси, хорошо? У нее усталый вид.

– Да, сэр.

– В чем дело? – сердито вмешался Морис. – Я сам ее отвезу.

Фокс остановился.

– К сожалению, вам придется немного задержаться, – объяснил Аллейн.

- Проклятье! Терпеть не могу чинуш! Садизм в худшем виде.
- Выполняйте, Фокс.
- Погодите, – буркнул Морис. – Я... Черт, что за дурацкая фраза... Я буду говорить. Аллейн улыбнулся, а Фокс спокойно вернулся на свое место.
- Интересуетесь психоанализом, мистер Прингл? – вежливо спросил Аллейн.
- А это тут при чем? – грубо ответил Морис. Казалось, с него полностью слетели все следы благовоспитанности. – Удивляюсь, что в полиции вообще слышали такое слово.
- Считайте, что мне его кто-то подсказал.
- Морис бросил на Аллейна быстрый взгляд и покраснел.
- Простите... Эта жуткая история совсем выбила меня из колеи.
- Понимаю. Я спросил про психоанализ только потому, что вы упомянули «садизм» – очень интеллигентское словечко. Сомневаюсь, что вы ясно представляете себе его значение. Как вы относитесь к психологии толпы?
- К чему вы клоните?
- К психологической стороне религиозных ритуалов. Как вы думаете, что происходит с людьми, когда они попадают, скажем, под влияние харизматичного священника?
- Что происходит?! Они становятся его рабами!
- Сильно сказано, – заметил Аллейн. – По-вашему, здешняя паства – это рабы мистера Гарнетта?
- Если угодно – да. Да, да, да!
- И вы тоже?
- Молодой человек взглянул на него так, словно ему очень трудно было сосредоточиться. Его губы дрожали.
- Посмотрите, – выдавил он из себя.
- Аллейн подошел ближе, пристально посмотрел ему в глаза и произнес одно слово – так тихо, что Найджел не расслышал. Морис кивнул.
- Как вы догадались?
- Вы сами сказали: посмотрите. Вас выдают глаза. Суженные зрачки. Ну, и плохие манеры – уж простите.
- Я не могу себя контролировать.
- Похоже, что так. Работа мистера Гарнетта?
- Нет. То есть, думаю, ему кто-то поставляет... Он... он давал мне специальные сигареты. Очень слабые, поверьте. Говорил, что это обостряет восприимчивость.
- Еще бы.
- Но они и правда помогают! Волшебное средство. Все кажется таким чудесным. Только... только...
- Теперь это уже не только сигареты, верно?
- К черту ваш гонор, инспектор. О боже, простите...
- Другие посвященные тоже прибегают к краткому пути к духовному прозрению?
- Только не Джейни. Она даже не знает. И Огден тоже нет... Не говорите ей, ладно?
- Постараюсь. А остальные?
- Не все. Кара Куэйн только начала. Кэндур употребляет. Давно, еще до встречи с отцом Гарнеттом. Огден и де Равиньи – нет. Хотя насчет де Равиньи я не уверен. На самом деле ему стоило бы попробовать. В конце концов, всегда можно бросить.
- И вы можете? – спросил Аллейн.
- Конечно. Я собираюсь завязать.
- Значит, вы все собираетесь у мистера Гарнетта и... курите сигареты?
- Так было вначале. Но потом эти двое – миссис Кэндур и мисс Куэйн – стали приходить отдельно и в другое время. – Морис поднес руку к лицу и взялся за дрожащую нижнюю

губу. – А потом... Потом Кара стала готовиться к роли Избранного сосуда и ходила к нему одна.

– Понятно.

– Ничего вам не понятно. Вы ничего не знаете. Только я знаю. – Он заговорил быстро и сбивчиво, словно хотел выговориться во что бы то ни стало. – Недели три назад, днем, я зашел к отцу Гарнетту. В церкви никого не было. Поэтому я пошел через алтарь – прямо туда, к его двери. Я позвал: «Вы здесь, отче?» Они не слышали. Я вошел, точнее, заглянул и... О боже! О боже! Фригг и Один. Избранный сосуд!

Морис громко рассмеялся и рухнул на один из стульев. Потом уронил голову на руки и разрыдался во весь голос.

Инспектор Фокс перешел на другую сторону нефа и сделал вид, что внимательно разглядывает статую какого-то северного божества. Найджел с острым чувством неловкости склонился над своим блокнотом. Детектив-сержант Бэйли выглянул из укрытия, бросил на Мориса неодобрительный взгляд и снова исчез.

– Так вот почему вы сказали про возмездие, – задумчиво произнес Аллейн.

Морис только слабо повел плечами – очевидно, в знак согласия.

В конце прохода появилась маленькая женская фигурка.

– Вы закончили, инспектор Аллейн? – спросила Джейни.

Голос у нее был таким холодным, что до Найджела не сразу дошло, до какой степени она взбешена.

– Да, вполне, – серьезно ответил Аллейн. – Вы можете идти домой.

Она склонилась над Принглом.

– Морис... Морис, милый, пойдем.

– Оставь меня, Джейни.

– И не подумай. Ты должен меня проводить.

Она еще минуту поговорила с ним, шепча ему что-то на ухо, и он наконец встал. Джейни взяла его под руку. Аллейн стоял рядом.

– Я готова вас за это убить, – бросила ему Джейни.

– О, дитя мое, не говорите так! – воскликнул Аллейн так искренне, что Найджел с удивлением на него уставился.

Джейни тоже внимательно посмотрела на инспектора. Очевидно, что-то в выражении его лица заставило ее переменить свои мысли.

– Хорошо, не буду, – пообещала она.

Глава 8

Характер месье де Равиньи

После того как Мориса обыскали и отправили домой, Найджел подошел к Аллейну с тем глуповатым и капризным видом, какой он напускал на себя каждый раз, когда приставал к нему с расспросами.

– Может, кто-нибудь мне объяснит, – заговорил он раздраженным тоном, – поведение этого молодого человека?

– То есть? – рассеянно отозвался Аллейн.

– Что это за странный «принглеизм»? Объясните мне, пожалуйста. Зачем Прингл просил вас на него посмотреть? И почему вы выполнили его просьбу? Что сказали Принглу? Из-за чего он заплакал?

– Фокс, – позвал Аллейн, – не могли бы вы заняться нашим мистером Умником?

– Да, сэр, – ответил Фокс, оторвавшись от своего божка. – Что вас интересует, мистер Басгейт?

– Принглеизм.

– Вы имеете в виду поведение молодого джентльмена, сэр? Должен признать, оно довольно необычно. Судя по всему, юноша принял нечто такое, что не пошло ему на пользу.

– На что вы намекаете, инспектор Фокс? Какие-то несовместимые продукты? Вроде виски с устрицами?

– Скорей уж героин с горячим воздухом, – перебил Аллейн. – О, мистер Гарнетт, мистер Гарнетт, в какие хитрые игры вы здесь играете!

– Постойте, постойте! – воскликнул Найджел. – Вы хотите сказать, что Гарнетт...

– Пригласите сюда французского джентльмена, – попросил Аллейн, не дав ему договорить.

Месье де Равиньи появился в зале с видом ироническим и высокомерным. Это был мужчина приятной внешности, довольно высокий для француза и одетый с безупречным вкусом. Увидев Аллейна, он быстро направился к нему.

– Вы хотели со мной поговорить, инспектор Аллейн?

– Да, если вы не возражаете, месье де Равиньи. Присядете?

– После вас, месье.

– Нет, месье, после вас.

Некоторое время они препирались таким образом под довольным взглядом Фокса. Наконец оба сели. Месье де Равиньи положил ногу на ногу, выставив вперед сияющий ботинок.

– Итак, сэр? – спросил он.

– Вы очень любезны, месье. Чистейшая формальность: просто пара вопросов, которые мы обязаны задать по долгу службы. Надеюсь, вы понимаете.

– Разумеется. Давайте сразу перейдем к делу.

– Согласен. Прежде всего, не заметили ли вы какого-нибудь необычного запаха, исходившего во время церемонии из чаши?

– Полагаю, вы имеете в виду синильную кислоту, – заметил де Равиньи.

– Совершенно верно. Могу ли я узнать, почему вы решили, что в качестве яда был использован именно цианид?

– Насколько я помню, вы сами говорили об этом, месье. Впрочем, не важно. Я сразу понял, что Кара была отравлена цианидом. Ни один яд не действует так быстро, а когда она упала... – Он немного побледнел, потом упрямо продолжил: – Когда она упала, я наклонился над ней и... и почувствовал запах.

– Ясно. Только в этот момент, но не раньше?

– Да, только в этот. Запах благовоний – сладкого миндаля, по словам причетника, – был слишком крепок и, кстати, здорово похож на запах яда.

Он быстро взглянул на Аллейна:

– Мою Кару убили. Я знаю.

– Вы сказали «моя Кара». Значит ли это, что вы и мисс Куэйн...

– Я обожал ее. Много раз предлагал ей стать моей женой. Увы, она меня не любила. Вся ее жизнь была посвящена религии. Я вижу, вы внимательно на меня смотрите, инспектор. Наверное, думаете, что я слишком спокоен? Ведь мы, французы, такие экспрессивные. Мне впору размахивать руками, закатывать глаза и устраивать истерики, как этот мальчишка Клод.

– Нет, месье де Равиньи. Я думал о другом.

– N'importe¹, – пробормотал француз.

¹ Неважно (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

– On n'est pas dupe de son cœur²... – начал Аллейн.

– Вижу, я вас недооценил, инспектор. Вы не разделяете расхожих взглядов на моих соотечественников. Кстати, у вас отличное произношение.

– Вы слишком добры, месье. Вам не приходила в голову мысль о самоубийстве?

– Зачем ей себя убивать? Она была красива и... любима.

– И богата?

– И богата.

– Вы следили за ее движениями, когда она взяла чашу?

– Нет, я не смотрел, – ответил де Равиньи.

– Вы тоже человек религиозный, иначе не оказались бы здесь, не так ли? – добавил Аллейн после паузы.

Месье де Равиньи уклончиво пожал плечами:

– Мне любопытны эта церковь и ее обряды. К тому же мысль о том, что все божества заключены в едином боге, соответствует моему характеру. В конце концов, надо же во что-то верить. Атеизм не для меня.

– Когда вы начали посещать храм?

– Дайте подумать... Около двух лет назад.

– А когда стали посвященным?

– Три месяца назад.

– Вы входите в число жертвователей? Простите, я вынужден задать этот вопрос.

– Разумеется, месье, долг прежде всего. Я жертвую небольшие суммы. Пять шиллингов после каждой службы и еще по фунту время от времени. Мой первый взнос составлял пять фунтов. Тогда этот храм только создавался. Я подарил чашу – старинную вещь, принадлежавшую моей семье.

– Красивый сосуд. Отличный образец барокко, – одобрил Аллейн.

– У этой чаши есть своя история. И еще, я подарил статуэтку. Справа от вас, месье.

Аллейн повернул голову и взглянул на статуэтку месье де Равиньи. Это было бронзовое изваяние грубоватой лепки, изображавшее расплывчатую обнаженную фигуру в крылатом шлеме, из которой вырастали какие-то еще более неопределенные и расплывчатые формы.

– Любопытно, – произнес инспектор. – Кто автор?

– Я, месье. В состоянии экстаза, – холодно ответил месье де Равиньи.

Аллейн бросил взгляд на его умное интеллигентное лицо и пробормотал что-то неразборчивое.

– Видите ли, у меня артистический характер, – объяснил француз. – Впрочем, я всего лишь дилетант. Немного леплю, немного пишу, *comme ci, comme ça*³, – так, изящные безделушки. Немного коллекционирую. Я не богат, месье инспектор, но порой позволяю себе кое-какие мелочи.

– Замечательный образ жизни. Могу вам только позавидовать, месье. Но давайте вернемся к делу.

Инспектор Фокс на заднем плане что-то невнятно пробасил, словно хотел процитировать: «*Revenons a nos moutons*»⁴, – но запутался в произношении.

– Я слышал, – продолжал Аллейн, – что у мисс Куэйн не было родных в Англии. Но какие-то родственные связи у нее все-таки должны быть?

– Нет, никаких. Она сама мне говорила. Кара – единственный ребенок в семье и круглая сирота. Она выросла в монастыре за границей. Оба ее опекуна умерли.

² Сердце не обманешь (*фр.*).

³ Ничего особенного (*фр.*).

⁴ Вернемся к нашим баранам (*фр.*).

- Так вы познакомились с ней за границей?
- Да, во Франции, несколько лет назад, в доме моего друга.
- И мисс Куэйн ввела вас в это общество?
- Нет, месье. Увы, это была моя инициатива: я сам пригласил ее сюда.
- Хорошо, вернемся к связям мисс Куэйн. С кем она поддерживала отношения?
- Со своим адвокатом.
- Ну да, само собой. Вы его знаете?
- Понаслышке. Дайте вспомнить. Его зовут... черт... что-то вроде Ратс. Нет. Раттинг-таун? Нет.
- Может быть, Раттисбон?
- Точно! Вы с ним знакомы?
- Немного. Что будет с ее деньгами, месье де Равиньи?
- Француз выразительно повел плечами, поднял брови, выпучил глаза и надул губы.
- Понятно, – сказал Аллейн.
- Насколько мне известно, – добавил де Равиньи, – большая часть пойдет на этот храм. Пять тысяч ценными бумагами уже лежат в сейфе. Но это не все. Кара говорила мне, что изменила завещание в пользу церкви. Тогда я и услышал о мистере Ратсе.
- Ясно, – кивнул Аллейн. – Давайте поговорим о другом. Что вам известно о подготовке чаши к церковной церемонии?
- Ничего, месье. Я не интересуюсь подобными вещами. Знание лишних подробностей может повредить духовной жизни. Такой уж у меня характер.
- Предпочитаете не заглядывать за кулисы?
- Именно так. Разумеется, должны быть какие-то секреты. Ясно, что вино в чаше вспыхивает не просто так, но я не хочу вникать в такие мелочи. Меня интересует результат.
- Понимаю, – согласился Аллейн. – Что ж, думаю, на этом все. Тысяча благодарностей за то, что были так любезны.
- Ну что вы, месье. Это вы были очень любезны. Если я смогу быть вам чем-то полезен... Я понимаю, что дело деликатное, но если понадобится моя помощь... В общем, я готов на все ради поимки мерзавца. Скажем, дополнительные расходы и тому подобное – вы понимаете?
- Вы слишком добры, но...
- *Tout au contraire, monsieur*⁵.
- ...но в первую очередь нам нужна информация. Не возражаете, если мы вас обыщем, месье?
- Возражаю, месье, но все же повинуюсь.
- Фокс обыскал его и не нашел ничего, кроме денег, чековой книжки и фотографии.
- *Mon Dieu!*⁶ – воскликнул месье де Равиньи. – Неужели обязательно хватать ее своими лапами? Верните мне карточку.
- Пардон, месье, – ответил Фокс и поспешно отдал снимок.
- Это Кара Куэйн, – объяснил француз Аллейну. – Простите, что был резок.
- Уверен, инспектор Фокс на вас не в обиде. Спокойной ночи, месье де Равиньи.
- Спокойно ночи, месье инспектор.
- Что ж, – заметил Фокс, когда француз ушел, – это абсолютно правильный подход. Как только вы заговорили с этим джентльменом на его языке, он стал послушным, как овечка. Вот что значит знание языков! Оно ставит вас, так сказать, на равную ногу с собеседником. Странно, почему вы не провели всю беседу на французском.

⁵ Напротив, месье (*фр.*).

⁶ Боже мой! (*фр.*).

– Фокс, – покачал головой инспектор Аллейн, – порой вы заставляете меня чувствовать себя круглым дураком.

– Я? – искренне удивился Фокс.

– Да, вы. Скажите, что вы о нем думаете?

Фокс медленно провел по лицу своей «лапой».

– В общем, ничего, – протянул он, – хотя... Странно, сэр, что оба джентльмена предлагают финансировать полицейское расследование. В первый раз такое слышу. Правда, оба – иностранцы. Что до мистера Огдена, то мы слышали про такую вещь, как «рэкет», не так ли?

– Верно, – сухо согласился Аллейн. – Возможно, в Штатах его предложение показалось бы не столь уж необычным.

– Огден слишком хорош, чтобы быть настоящим, – гнул свое Найджел. Он мрачно добавил: – Можете мне поверить, он пытался вас подкупить.

– Подкупить? Зачем, мой дорогой Басгейт? Чтобы поймать убийцу?

– Не говорите ерунды, – обиженно вскинул голову Найджел.

– А месье де Равиньи тоже покушался на честь нашей полиции?

– Де Равиньи – француз, – пожал плечами Найджел. – Всегда на нервах, и... и... идите вы к черту.

– Я думаю, – вставил Фокс, – нам стоит взглянуть на ту бутылочку в шкафчике, о которой говорил мистер Уитли.

– Согласен. Давайте навестим гнездышко мистера Гарнетта. Кстати, где он сам? Все еще в ризнице?

Словно в ответ на его вопрос, дверь в ризницу отворилась, и в зале появился мистер Гарнетт. Он уже переоделся и теперь был облачен в какое-то длинное одеяние из плотной темно-зеленой ткани. Сопровождавший его констебль в штатском остановился в дверях, глядя на священника с брезгливым недоумением.

– А, инспектор! – весело воскликнул отец Гарнетт. – По-прежнему на своем посту? Трудитесь в поте лица?

– Примите мои извинения, – сказал Аллейн. – Не было необходимости заставлять вас ждать. Вы могли сразу вернуться в свои комнаты.

– А что, я задержался? Видите ли, я занимался медитацией и достиг третьего уровня экстаза, где времени не существует.

– Рад за вас.

Из комнаты отца Гарнетта появился Бэйли и подошел к инспектору.

– Там мисс Уэйд, сэр, – доложил он, – она вроде как отключилась. Думаю, заснула.

Аллейн посмотрел на Фокса, а Фокс на Аллейна.

– Боже правый! – воскликнул инспектор Фокс.

– И все его ангелы! – подхватил инспектор Аллейн. – Наверное, я и сам впал в экстаз. Совсем о ней забыл. Простите, ради бога! Приведите сюда даму, Бэйли.

– Слушаюсь, сэр.

Глава 9 Мисс Уэйд

Отец Гарнетт стоял с таким видом, словно предпочел бы остаться, но его твердо выпроводили из зала. Он встретился с мисс Уэйд на ступеньках алтаря.

– О, бедная душа! – сочувственно произнес отец Гарнетт. – Утомлена? Пала духом?

Мисс Уэйд перевела взгляд с Бэйли на священника.

– Отче, – прошептала она. – Они ничего не заподозрили... Они...

– Мужайтесь, леди! – быстро и громко перебил ее отец Гарнетт. – Мужайтесь! Мы все в надежных руках. Я буду за вас молиться.

Он прошел мимо нее и под присмотром Бэйли направился к себе. Мисс Уэйд проводила его взглядом и снова повернулась к лесенке. Она подслеповато прищурилась в зал. Аллейн подошел к ней.

– Простите, ради бога, что заставил так долго ждать.

Мисс Уэйд с сомнением окинула его взглядом.

– Уверена, вы выполняли свой долг, офицер, – ответила она.

– Вы очень любезны, мадам. Не хотите присесть?

– Благодарю вас.

Она присела на краешек стула и выпрямила спину.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, – продолжал Аллейн. – Это входит в мои обязанности.

– Да?

– Да. Я постараюсь побыстрее все закончить.

– Спасибо. Поскорей бы домой, – протянула она жалобно. – Боюсь, что я забыла выключить утюг, и меня это очень беспокоит. Помню, я твердо сказала себе: «Ты ни в коем случае не забудешь это сделать», – но...

Мисс Уэйд вдруг умолкла и задумчиво уставилась в пространство.

– Кажется, я вспомнила, – промолвила она наконец. – Я его выключила. Итак, начнем? Вы сказали...

– Что хочу задать вам насколько вопросов.

– Верно. Буду рада чем-нибудь помочь. Я плохо знакома с полицейскими методами, хотя мой дражайший брат работал в кейптаунской полиции во время англо-бурской войны. Жизнь у него была несладкая, и он так и не смог вылечить желудок.

Аллейн нагнулся и подтянул шнурки на ботинке.

– Вот о чем я хотел спросить, – заговорил он, снова выпрямившись. – Во-первых, не заметили ли вы какой-нибудь странный запах, когда получили чашу от месье де Равиньи?

– Дайте подумать. Запах? Ах да, – торжественно воскликнула мисс Уэйд. – Конечно. Разумеется. А как же.

– Можете его описать?

– Перец.

– Перец? – переспросил Аллейн.

– Да. И лук. Видите ли, Клод, этот молодой человек, готовивший чашу, наклонился надо мной, и запах сразу ударил мне в нос. Я и раньше его замечала и даже хотела пожаловаться отцу Гарнетту. Юноша явно злоупотребляет приправами, а это не совсем благочестиво.

– Конечно, – быстро согласился Аллейн. – Мисс Уэйд, вы говорили, что до этого вечера мисс Куэйн была не слишком счастливой и не особо популярной. Не могли бы рассказать о ней побольше? Почему она была непопулярна?

– Когда я это говорила, вас там не было, офицер. Я в этом уверена, потому что мы все находились внутри и ждали... Нет. Я говорю неправду – все было не так. Это случилось еще до того, как вы пришли, и до того, как тот молодой человек позвонил по телефону и... – Мисс Уэйд снова умолкла и несколько секунд смотрела на инспектора. – И отец Гарнетт мне сказал: «Я прошу вас не говорить об этом с полицией». Поэтому я уверена, что вас там не было. Откуда вы узнали?

– Мистер Басгейт запомнил ваши слова и передал мне. Так почему мисс Куэйн была несчастна?

– Потому что она была непопулярна, – торжественно ответила мисс Уэйд.

- А почему она была непопулярна?
- Бедняжка! Боюсь, тут замешана ревность. Да, именно так, хотя мне не стоило об этом говорить. Кажется, отец Гарнетт предупреждал...
- Но вы же хотите помочь следствию, не так ли?
- О да. Конечно. По крайней мере... Простите, а вы можете мне сказать – бедную Кару убили?
- Видимо, да. Все указывает на это.
- Значит, если я скажу, что ее кто-то ревновал, вы начнете его подозревать, строить всякие версии, а я против смертной казни.
- Ревность не обязательно приводит к убийству.
- Вот видите! Именно это я и хотела сказать.
- Миссис Кэндур, – задумчиво произнес Аллейн, – говорила мне, что мисс Куэйн была не такой уж красавицей.
- Прискорбно это слышать. Дагмар, надо сдерживать свои эмоции. Только не подумайте, что отец Гарнетт ее как-то поощрял. Бедняжка верила собственным фантазиям. Он слишком чист и благороден, чтобы даже подумать...
- Подумать что, мисс Уэйд?
- Мисс Уэйд жала бледные губы и в замешательстве умолкла.
- Продолжайте! – подбодрил ее Аллейн. – Иначе я могу вообразить бог знает что.
- Я не верю этим глупым сплетням! – возопила мисс Уэйд. Ее голос сорвался, тонкие руки задрожали на коленях. – Все это гадость – гадость! Его помыслы чисты, как у святого. Он относился к Каре как к ребенку. Дагмар на него клеветает. Все знают, что Кара была импульсивна и чувствительна... И щедр, очень щедр. Богатым людям часто завидуют.
- Аллейн немного помолчал.
- Скажите, – заговорил он наконец, – во время ритуала с чашей ваши глаза были закрыты?
- Да. Все участники ждут с закрытыми глазами, не считая тех моментов, когда мы наливаем вино. Тогда мы их открываем.
- Значит, вы не видели, как другие посвященные держали чашу?
- Разумеется, нет, – неуверенно ответила мисс Уэйд. Она покраснела и прикусила губу.
- Но в тот момент, – мягко наседал Аллейн, – когда вы брали чашу у месье де Равиньи...
- О, тогда, конечно, я смотрела, – признала она.
- А когда передавали ее мистеру Принглу?
- Ну, и тогда тоже. С мистером Принглом вообще надо быть осторожным – у него так дрожат руки. Он курит слишком много сигарет. Я ему уже говорила. Так и сказала: «Мистер Прингл, никотин погубит ваше здоровье». Мой дорогой брат тоже заядлый курильщик, так что я знаю, что это такое.
- Надеюсь, мистер Прингл не пролил вино?
- Не пролил, но это была скорее удача, чем его заслуга. Он взял чашу снизу одной рукой, она тут же задрожала – я бы даже сказала «заплясала», – и ему пришлось схватить ее за край другой рукой. Потом он с большим трудом принял сосуд вином – я имею в виду серебряный кувшин – и налил вина в чашу. Неприятное было зрелище. Никакого благолепия.
- Еще бы. А месье де Равиньи?
- О, тут как раз наоборот. Все очень красиво и торжественно, – ответила мисс Уэйд. – Дагмар оставила на краешке несколько капель, поэтому месье де Равиньи вынул чистейший носовой платок и вытер им чашу. Трудно представить себе более изящные манеры. Он вполне мог быть англичанином.
- Наверное, в своей тревоге за мистера Прингла – кстати, вполне понятной и естественной – вы решили проверить...

– Как он передаст чашу Джейни? Да, инспектор, именно так. Джейни, бедняжка, нервничала не меньше меня, потому что, как только мистер Прингл подлил вина, она мгновенно забрала у него чашу. Я сказала «подлил», но это еще вопрос: мне показалось, что он только попытался, но у него ничего не вышло. Мистер Огден, тот, конечно, настоящий джентльмен, – добавила мисс Уэйд одно из своих великолепных *non sequiturs*⁷. – Он принял чашу обеими руками и крепко схватил ее за ножку. Звучит так, как будто у него было три руки – забавно, правда?

– А потом он передал ее мистеру Гарнетту.

– Отцу Гарнетту. Да. Конечно, когда отец Гарнетт взял чашу, я подняла на него глаза. Он делает это так красиво, так благообразно. Одна рука держит за ножку, – мисс Уэйд изобразила это своими маленькими ручками, – а другая ложится сверху. Словно благословение.

– Очевидно, вы все смотрели на Избранный сосуд?

– О да. Как только бедная Кара взяла чашу, все взгляды устремились на нее. Она была в экстазе. Чудесное зрелище. Мне казалось, она готова пуститься в пляс.

– В пляс! – воскликнул Аллейн.

– Так же, – торжественно провозгласила мисс Уэйд, – как жрецы плясали перед Камнем Одина. Однажды именно так и случилось. С одной дамой, которая потом достигла последних врат.

– То есть она умерла?

– Да.

– И что стало причиной смерти? – спросил Аллейн.

– Кажется, эпилепсия, – неуверенно ответила мисс Уэйд.

– Что ж, мисс Уэйд, – промолвил инспектор после паузы, – вы были очень любезны, проявив такое терпение. Весьма вам благодарен. Осталось еще одно.

– Что именно? – спросила мисс Уэйд с бойким видом деловой дамы.

– Вы не против, если вас обыщет наша сотрудница?

– Обыщет! Господи. Я даже не знаю. Сегодня очень холодно, и я не ожидала...

– Вам не придется... э... ничего снимать, – поспешил успокоить ее Аллейн. – Разве что... – Он в замешательстве взглянул на ее потрепанную горжетку и бурый плащ, под которым просматривалось несколько слоев черных и лиловых кофточек. – Разве что верхнюю одежду.

– У меня нет ни малейшего желания препятствовать полиции в исполнении ее долга, – заверила мисс Уэйд. – Где ваша сотрудница?

– Снаружи, в галерее.

– Но это слишком уж... публично.

– Может быть, предпочтете в ризнице?

– Нет, не думаю. Пусть будет галерея, инспектор.

– Спасибо, мадам.

Из алтарной части появился сержант Бэйли и что-то шепнул инспектору Фоксу. Фокс занял стратегическую позицию за спиной мисс Уэйд, выразительно поднял брови, несколько раз подмигнул, состроил глубокомысленную гримасу и наконец продемонстрировал Аллейну маленький клочок бумаги.

– Что? – спросил Аллейн. – А! Мисс Уэйд, думаю, обыск устраивать ни к чему. Пусть наша сотрудница проверит вашу сумочку и карманы, если они у вас есть. И перчатки. Этого вполне достаточно.

– Замечательно, – кивнула мисс Уэйд. – Большое спасибо. Доброй ночи, офицер.

– Доброй ночи, мадам.

⁷ Нелогичные заключения (*лат.*).

- Скажите, вы не учились в полицейском колледже?
- Нет, мадам.
- Правда? – Она с любопытством прищурила на него глаза. – Но у вас хорошие манеры.
- Вы очень добры.
- Может быть, в Высшей школе? Я всегда чувствую преимущества...
- Мои родители дали мне все преимущества, какие могли, – сухо обронил Аллейн.
- Старший инспектор Аллейн, мэ, – торжественно начал Фокс, – был...
- Фокс, – быстро перебил Аллейн, – не будьте снобом. Вызовите такси для мисс Уэйд.
- О, не стоит, я захватила свои галоши.
- Мои манеры не позволят вам идти пешком.
- В таком случае – у моего деда, кстати, был свой экипаж в Далвиче – большое спасибо.

Глава 10

Бумажка и бутылка

– Итак, братец Фокс, – начал Аллейн, когда его помощник вернулся в зал, – старая дама прошла проверку?

– Миссис Бекин осмотрела ее сумочку и карманы, – ответил Фокс.

– А что это за трофей, которым вы мне махали?

– Бэйли нашел в алтаре. Бумажка лежала прямо на полу. Кто-то вдавил каблуком в ковер. Мы подумали, что может пригодиться.

– Будем надеяться. Дайте взглянуть.

– Это не та бумажка, которую я вам показывал, – объяснил Фокс. – Той я хотел просто намекнуть. А вот «оригинал».

Он протянул маленькую коробку. Найджел подошел поближе. Аллейн открыл коробку и достал крошечный клочок красной бумаги. Она была сильно скомкана и вся покрыта вмятинами и трещинками.

– Хм, – пробормотал Аллейн. – Посмотрим.

Он сходил за своей сумкой и принес небольшие щипцы. Потом подошел с коробкой ближе к лампе, чтобы рассмотреть находку внимательнее. Прихватив бумажку щипцами, инспектор достал ее из коробки и поднес к свету. Он принялся.

– Ну конечно, – пробормотал Аллейн. – Смотрите: это маленький конверт. Папиросная бумага, сложенная в два слоя. Ей-богу, Фокс, он здорово рисковал. Тут нужна ловкость рук.

Он осторожно коснулся бумажки пальцем.

– Влажная! – воскликнул Аллейн. – Значит, вот как он это сделал.

– Что вы имеете в виду? – спросил Найджел. – Бумага красная. Ее что, вымочили в крови? К чему эти загадки?

– Нет никаких загадок. Слушайте сюда, как сказал бы мистер Огден. Это клочок папиросной бумаги. Ее сложили вдвое и свернули в трубочку. Один конец оставили открытым, а другой перегнули несколько раз, чтобы сделать конверт. Потом ее вымочили... да, думаю, в красных чернилах. Она влажная. И пахнет. Это ключ, черт возьми, это ключ!

– Нужно провести анализы, не так ли, сэр? – спросил Фокс.

– Самой собой. Но заметьте, какая сочная деталь. «Дело папиросной бумаги». «Красный день инспектора Фокса»!

– Позвольте, Аллейн, – не унимался Найджел, – вы хотите сказать, что раз она влажная, ее недавно окунули в красные чернила? Или... Пойдите, пойдите...

– Вот он, момент истины, – улыбнулся Аллейн.

– Она влажная от вина! – торжествующе воскликнул Найджел.

– Мистер Басгейт, думаю, вы абсолютно правы.

- Перестаньте ерничать!
- Простите. Да, она плавала в красном вине. Бэйли!
- Да, сэр?
- Покажите, где вы ее нашли. И к слову – отлично сработано.

Сержант пребывал в мрачном удовлетворении. Он вернулся к ступенькам алтаря, нагнулся и поднял шестипенсовую монету.

– Я положил ее здесь, чтобы отметить место, – объяснил он.

– И как раз на этом месте лежала чаша. Тут осталась моя меловая метка. Теперь все ясно.

– Вы считаете, что убийца бросил бумажку в чашу? – спросил Найджел.

– Именно так.

– Нарочно?

– Думаю, да. Подумайте сами, Басгейт. Допустим, один из посвященных хранил в этом конверте цианид. Он – или она – держал его где-то при себе. Скажем, в портсигаре или пустом футляре от губной помады. Перед тем как подняться в алтарь, он его вытащил и зажал в руке – например, вот так.

– Нет-нет, – поправил Найджел. Он сложил ладони в молитвенном жесте, как святые на средневековых фресках. – Вот так. Я видел, как они это делали.

– Прекрасно. Открытый конец был зажат между пальцами, а вся бумажка пряталась в руках. Когда он – условно будем считать, что это «он», – взял чашу, конверт незаметно выпал из ладоней и попал в вино. Это не так трудно сделать. Позже можно будет провести эксперимент. Бумажка оказалась в чаше, закрытым концом вверх и открытым вниз. Порошок растворился в вине.

– Но риск был слишком велик, сэр, – возразил Фокс. – А если бы кто-нибудь заметил бумажку на поверхности вина? Или, например, мисс Дженкинс и мистер Огден заявили бы, что видели конвертик, а мистер Прингл и остальные не сказали бы о нем ни слова. Это поставило бы мистера Прингла в неприятное положение. На месте убийцы я подумал бы об этом. Я хочу сказать, что...

– Я вижу, к чему вы клоните, инспектор, – взволнованно перебил Найджел. – Но этот человек мог подумать: если хоть кто-то заикнется о бумажке, я тоже о ней скажу. И все подозрения падут на того, кто стоял раньше меня.

– Хм, – с сомнением протянул Фокс.

– Вряд ли они могли ее заметить, – пробормотал Аллейн. – Басгейт, вы говорили, что во время церемонии алтарь освещался только факелом?

– Да.

– Вот видите. Сейчас он почти угас, но, когда пламя горело в полную силу, подставка факела отбрасывала тень как раз на то место, где находились посвященные.

– Пожалуй, – согласился Найджел. – Я тогда подумал, что их окружает море мрака.

– К тому же они стояли, склонив головы над чашей, и сами отбрасывали тень. Но в одном вы правы, Фокс: он действительно сильно рисковал. Если только...

Аллейн вдруг замолчал, уставившись на своего коллегу, а потом без всякой видимой причины соорудил жуткую гримасу Найджелу.

– В чем дело? – подозрительно воззрился на него Найджел.

– Все это только домыслы, – решительно ответил Аллейн. – Когда в лаборатории найдут следы цианида, тогда и будем говорить.

– Но я не понимаю, зачем ему понадобилось бросать бумагу в чашу, – развел руками Найджел. – Возможно, это произошло случайно.

– Не уверен, мистер Басгейт, – отозвался Фокс со своей обычной флегматичностью. – В этом есть определенный смысл. Никаких отпечатков пальцев. Никаких следов, если кто-то вздумает его обыскивать.

– Точно, – вдруг вмешался Бэйли. – И он специально сделал так, чтобы чаша выпала из рук леди. Он рассчитывал, что конверт выпадет и он втопчет ее в ковер.

– А если бы она прилипла к стенке? – предположил Фокс.

– И что из этого, – с воинственным видом возразил Бэйли. – Кто помешал бы ему вытащить ее оттуда, пока все смотрели, как леди голосила и выкидывала свои коленца?

– Или приклеилась бы к ее губам, – монотонно продолжал Фокс.

– Еще скажите – если бы она ее проглотила! Вы меня утомили, мистер Фокс. Она не приклеилась и не прилипла: она плавала в вине! Разве не так?

– Хм, – снова протянул Фокс.

– При чем тут «хм»? Я ведь прав, сэр, разве нет? – обратился сержант к Аллейну.

– Домыслы, – повторил Аллейн. – Домыслы и догадки.

– Вы сами начали, – подколот его Найджел.

– Верно. И это награда за то, что я размышлял вслух? Хватит, Фокс. Уже чертовски поздно. Закончим споры. Мы узнаем гораздо больше, когда появятся результаты анализов.

Фокс взял у него коробочку, закрыл и положил в сумку.

– Что дальше, сэр? – спросил он.

– Бутылка мистера Гарнетта. Где мистер Гарнетт?

– В своих комнатах. С ним доктор Кертис и один из наших людей.

– Как вы думаете, он уже успел их обратить? Давайте присоединимся к их тесному кружку. Бэйли, можете заняться ризницей.

Фокс, Аллейн и Найджел отправились в покои отца Гарнетта, оставив Бэйли и его помощников прочесывать оставшуюся часть храма.

Отец Гарнетт сидел за своим столом, заставленным многочисленными *objets de piete*⁸ и очень похожим на алтарь. Доктор Кертис пристроился рядом. Констебль с бесстрастным лицом высился за сидалищем священника, как гигантский противовес своим соседям. Отец Гарнетт восседал с бледным и горделивым видом; доктор Кертис, вялый и уставший, с трудом подавлял зевки; констебль тоже был бледен, но не столько от усталости, сколько от природы.

– А, мистер Гарнетт! – весело воскликнул Аллейн. – Вот и мы. Представляю, как вам хочется спать.

– Нет-нет, – ответил священник. – Все в порядке.

– Мы вас надолго не задержим. Не будете возражать, если мы осмотрим ваши комнаты? Это необходимая процедура.

– Осмотрите комнаты! Господи, инспектор, неужели это так необходимо? Честно говоря, я...

Отец Гарнетт замолчал и издал неопределенный звук, выражавший одновременно благожелательность и недовольство.

– Вы против? – быстро спросил Аллейн. – В таком случае мне придется оставить здесь своих людей. Очень жаль.

– Но... Я не понимаю...

– Видите ли, в настоящий момент мы практически уверены, что речь идет об убийстве. А это значит, что мы обязаны выполнить некоторые действия. В том числе – произвести обыск. Конечно, если вы возражаете...

– Я... Нет... Но...

⁸ Предметы поклонения (*фр.*).

– Не возражаете?

– Если вы... Нет. Просто я очень дорожу своим домом. Он полон моих мыслей... медитаций... духовных откровений... Меня немного коробит то, что... э...

– Что в него вломится толпа варваров? Хотя что я говорю: в таком месте достойны обитать только ангелы! Мы постараемся все сделать побыстрее. Если хотите, можете нам помочь. Спальня находится, видимо, там?

– Да.

– Есть и другие комнаты?

– Самые обычные, – величественно ответил отец Гарнетт. – Ванная и тому подобное.

– Как насчет черного хода?

– О... Да.

– Он заперт?

– Безусловно.

– Фокс, проверьте, пожалуйста. А я займусь этой комнатой.

Фокс исчез за черной бархатной портьерой. Констебль по знаку Аллейна последовал за ним.

– Может быть, хотите остаться здесь? – обратился Аллейн к отцу Гарнетту.

Тот рассеянно оглядел комнату и ответил: пожалуй, да.

– Я больше не нужен, Аллейн? – спросил доктор Кертис.

– Да, спасибо, Кертис. Суд начнется во вторник. Естественно, понадобятся результаты вскрытия.

– Естественно. Я буду в отпуске.

– Счастливчик. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Спокойной ночи, отец Гарнетт.

– Спокойной ночи, мой дорогой доктор, – ответил отец Гарнетт с неожиданным радушием.

Окружной врач ушел. Найджел попытался скромно притаиться в уголке, но его тут же позвали и попросили помочь.

– Записывайте все, что я буду говорить. Мистер Гарнетт, насколько я понял, при подготовке вина к службе мистер Уитли использовал два ингредиента. Где мы можем их найти?

Отец Гарнетт указал на красивый шкафчик в яacobинском стиле. Он был не заперт. Аллейн распахнул дверцы и обнаружил довольно внушительный бар. Здесь были всевозможные ингредиенты для коктейлей, старинный портвейн, пузатая бутылка бренди, которое так хвалил доктор Кертис, и целая коллекция вина, достойная разорившегося аристократа. На отдельной полочке стояли четыре невзрачных бутылки – «Ле конт инвэлид порт». Одна была пуста.

– Это та, что использовали сегодня? – спросил Аллейн.

– Да, – ответил отец Гарнетт.

Инспектор отодвинул бутылки в сторону и увидел небольшой пузырек без этикетки, полный наполовину. Он осторожно взял его за самый краешек. Пробка вышла легко. Аллейн понюхал горлышко и поднял брови.

– Настоящее колдовство, мистер Гарнетт, – заметил он.

– Прошу прощения?

– Это тоже входило в напиток, приготовленный мистером Уитли?

– Э... – Отец Гарнетт прочистил горло. – Да. Именно так.

Аллейн достал из кармана карандаш, обмакнул в пузырек и задумчиво слизнул каплю.

– И сколько вы туда налили? – спросил он.

Отец Гарнетт склонил голову.

– Самую малость, – ответил он. – Это чистый продукт.

– Как слеза, – пробормотал Аллейн.
Он убрал пузырек в сумку, оставленную Фоксом на столе.
– Тут у вас целый винный погреб, – произнес он холодно.
– О да. Хотите чего-нибудь выпить, инспектор? Сегодня был трудный вечер – для всех нас.
– Нет, спасибо.
– А вы, мистер... э-э... Басгейт?
Найджел сглотнул слюну, но тоже отказался.
– Знаете, я глубоко потрясен, – пробормотал отец Гарнетт. – Просто места себе не нахожу. Все это ужасно.
– Наверное, вам самому нужно пропустить стаканчик, – сказал Аллейн.
Священник устало провел рукой по лицу и тяжело уронил ее на стол.
– Может быть, может быть, – признал он, мужественно улыбнувшись.
Он целиком наполнил рюмку, медленно выпил и снова сел за стол.
Аллейн продолжал обследовать кабинет, перешел к столу. Отец Гарнетт следил за ним.
– Может быть, вы все-таки перейдете в другую комнату, – любезно предложил Аллейн.
– Но... Но... В конце концов, инспектор, могу я хотя бы посмотреть на эту тягостную процедуру.
– Зачем бередить раны? К тому же я хочу, чтобы инспектор Фокс вас обыскал.
– Меня уже обыскивали.
– Это было до того, как вы переоделись. Инспектор Фокс сейчас вернется. Думаю, вам лучше лечь в постель.
– Я не хочу ложиться, – возмутился отец Гарнетт.
Он снова приложился к рюмке.
– Вот как? Жаль, это могло бы упростить дело. В любом случае Фокс должен вас обыскать. Боюсь, вам придется раздеться. Фокс?
– Да, сэр? – Инспектор Фокс высунул из-за занавески свое широкое лицо.
Отец Гарнетт вдруг вскочил на ноги.
– Я протестую! – прогремел он. – Это уж слишком. Вы переходите все границы. Я отказываюсь!
– Что случилось, сэр? – спросил Фокс.
– Мистер Гарнетт не хочет, чтобы его снова обыскали, Фокс. В первый раз он тоже возражал?
– Нет.
– Странно. Ну что ж...
– Я вот что хотел сказать, сэр, – добавил Фокс. – Задняя дверь была открыта.
– Хм, – произнес Аллейн. – Мистер Гарнетт, вы, кажется, сказали, что она «безусловно» закрыта?
– Так оно и есть, инспектор. Я сам ее закрыл сегодня днем. Не понимаю...
Аллейн достал свой блокнот и что-то записал. Он протянул листок Фоксу. Тот вышел из-за занавески, надел очки и с серьезным видом прочитал запись. Отец Гарнетт не сводил с них глаз.
– Это очень странно, сэр, – заметил Фокс. – Смотрите.
Он подошел к Аллейну, заслонив его своей спиной, и вскинул кверху плотно сжатый кулак. Отец Гарнетт вытаращил на него глаза.
– Очень странно, – повторил Фокс.
Найджел готов был эхом повторить его слова, потому что в следующий момент Аллейн с необыкновенной ловкостью достал пузырек из сумки, легко открыл крышку и вылил часть содержимого в рюмку отца Гарнетта. Потом опустил пузырек в сумку и повернулся к Фоксу.

- О да, – сказал он. – Замечательно.
- В чем дело? – громко спросил отец Гарнетт. – О чем вы говорите?
- Это не важно, – пробормотал Аллейн. – Совершенно не важно.
- Я требую... – начал священник – и замолчал.

Он беспомощно посмотрел на обоих детективов, неожиданно рухнул в кресло и допил остатки рюмки.

- Продолжайте поиски, Фокс, – распорядился Аллейн.

Глава 11

Что было в столе, сейфе и на книжной полке

В поведении отца Гарнетта произошла быстрая и удивительная перемена. В первую очередь это сказалось на его лице. Как будто какой-то скульптор тронул кожу в нескольких местах и почти до неузнаваемости изменил его выражение. Оно стало более дерзким и в то же время хитрым и проницательным. Казалось, почтенный пастор куда-то исчез, и на его место явился коммивояжер средней руки. От былой харизмы отца Гарнетта не осталось и следа. Вид у него стал угрюмый и отталкивающий.

Найджел как зачарованный смотрел на это превращение. Аллейн, повернувшись спиной к священнику, рылся в его столе. Инспектор Фокс удалился в спальню, откуда вскоре послышалось его бормотание, похожее на жужжание гигантской пчелы. Наконец он затянул песенку:

Frère Jacker, Frère Jacker,
Dormy-vous, dormy-vous⁹.

Это была добросовестная попытка воспроизвести радиоурок французского. Часы на камине громко стукнули, издали хриплый звук и пробили полночь.

- Хей-хей, ребята, почему бы нам не спеть?

Аллейн обернулся и внимательно взглянул на священника.

– Так говорит Огден, когда говорит, как он говорит, – нараспев произнес отец Гарнетт с сияющей улыбкой.

- Вот как, – отозвался Аллейн.

– Споем все вместе, – продекламировал отец Гарнетт, – и встанем в круг, мой милый друг. Река, река, крутые берега. Возьмемся за руки, друзья, вы все – моя семья... Вы знаете, что в четырнадцатом я был на слете «возрожденцев» в Мичигане? Это было круто. Чертовски круто!

- Вы познакомились с мистером Огденом в Мичигане?

– О, этот тупой верзила! – Отец Гарнетт горько скривил губы. – Он думает, у меня кишка тонка. – На секунду священник спохватился и попытался вернуться в свой прежний образ. – Мистер Огден – поистине святая простота.

- В самом деле, – кивнул Аллейн. – Так когда вы с ним познакомились?

– Я переплывал Атлантику. Огден подарил мне слиток золота. Он нормальный парень. Святая простота.

- Пожалуй.

– Послушайте, – продолжал отец Гарнетт, – вы не за того меня приняли. Я ничего не сделал этой дамочке. Малышке Каре? Да ни за что на свете.

⁹ «Брат Жак, брат Жак, ты спишь, ты спишь?» (*фр.*) – старинная французская песня.

И он подмигнул им с такой похабной улыбочкой, что у Найджела вырвался возмущенный возглас.

– Молчите, Басгейт, – тихо приказал ему Аллейн.

– Возьмемся за руки, друзья, – повторил отец Гарнетт. – Знаете что, давайте поступим правильно?

– Это как?

– Да вот так. Вы закрываете глаза на мою контору и не докладываете начальству. Во сколько это обойдется!

– А сколько вы дадите?

– Не мне решать, – неопределенно ответил отец Гарнетт.

– Вы блефуете, – покачал головой Аллейн. – У вас нет ни гроша.

Священник тут же пришел в ярость.

– Что-о-о! – завопил он так громко, что Фокс прибежал из соседней комнаты. – У меня нет ни гроша?! Слушай, жалкий недоумок. В моем деле меня никто не побьет, никто, понятно? Потому что у меня есть мозги, а главное – железная гарантия.

– То есть? – спросил Аллейн.

– Читай по губам – г-а-р-а-н-т-и-я!

– Ну да, конечно, – пренебрежительно бросил Аллейн.

– Конечно, потешно, да не суди поспешно, – выдал отец Гарнетт стремительной скороговоркой. – Если не веришь, посмотри сам.

Он попытался встать, но тут же упал в кресло, с трудом пошарил в кармане и достал связку ключей.

– Там, в столе, кожаный портфель, – пробормотал он. – И не только. Еще сейф.

– Спасибо, – поблагодарил Аллейн.

Отец Гарнетт мгновенно заснул.

Аллейн, не глядя в его сторону, вернулся к столу и выдвинул нижний ящик.

– Боже мой, сэр, – подал голос Фокс, – вы накачали его наркотиками.

– Ничего подобного, – отмахнулся Аллейн. – Он просто пьян.

– Пьян! – воскликнул Найджел. – А что было в пузырьке?

– Крепкий спиртовой раствор. Я бы даже сказал – крепчайший.

– Чистый спирт?

– Что-то вроде этого. Может быть, ректификат. Позже отправлю на анализ. Вообще, дело довольно экзотическое. В стиле Торндайка. Не в моем вкусе.

– А что вы написали на листочке, который дали Фоксу? – спросил Найджел.

– Попросил отвлечь внимание мистера Гарнетта.

– Ах вы, хитрый лис!

– Хватит болтать. Видите, я пытаюсь работать. Что там с задней дверью, Фокс?

– Обычный замок со щеколдой. Странно, что она открыта.

– Очень странно. Займитесь мусорной корзиной, хорошо? И камином.

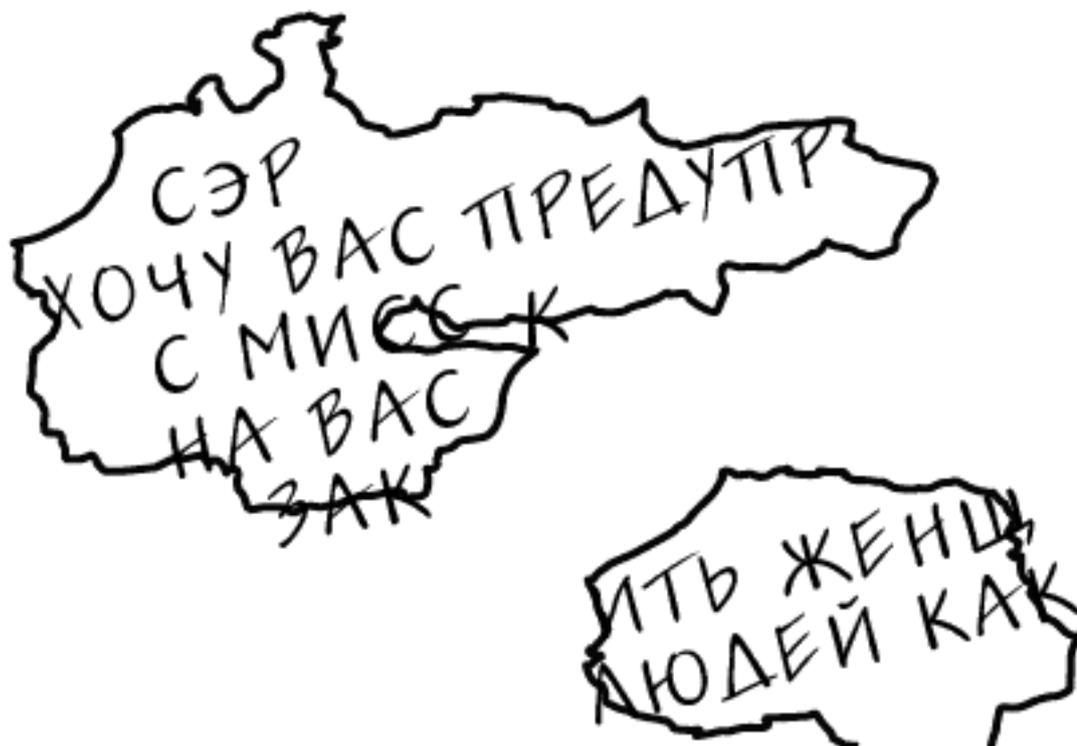
Фокс присел на каминном коврик. Огонь в очаге почти погас. Несколько минут детективы работали молча. Вдруг Фокс что-то пробурчал.

– Как дела, рыба-пила? – спросил Аллейн.

– Если вы мне, сэр, то, кажется, я кое-что нашел.

– Что именно?

Фокс с помощью щипцов извлек из углей два клочка обгоревшей бумаги и положил их на пол перед Аллейном. Это была обычная почтовая бумага, на которой кое-где виднелись буквы, набросанные простым карандашом.

– Что там еще! – воскликнул Аллейн. – Так, посмотрим. Бумага такая же, как на столе? Нет. И карандаша я тоже тут не вижу. Надо узнать, когда в последний раз выносили мусор. Другие фрагменты есть?

– Только эти, – ответил Фокс.

– Поаккуратней с ними, ладно? Позже мы над этим поразмыслим. Со стола надо все убрать. А, вот и он.

Аллейн вытащил небольшой портфель из пунцовой кожи и начал подбирать к нему ключи. Отец Гарнетт громко захрапел. Инспектор Фокс – у него все еще был возмущенный вид – подошел ближе.

– Хорошо бы уложить его в постель, – предложил он.

– Пожалуй. Займитесь этим, ладно, Фокс? Мистер Басгейт вам поможет. «И пусть из этой непорочной плоти взрастут фиалки!»¹⁰ Ах ты, грязный старик! – вдруг перебил себя Аллейн. Он достал из портфеля пачку писем и стал читать одно из них.

Фокс и Найджел подняли и перетащили отца Гарнетта в его спальню – уютную комнату, отделанную розовым атласом и плюшем. Здесь было полно мягких пуфов, красивых безделушек и культовых предметов.

– Шикарно, правда, сэр? – заметил Фокс, укладывая отца Гарнетта на кровать.

– А по-моему, отвратительно, – возразил Найджел. Он презирал отца Гарнетта до глубины души. – Неужели нам придется раздевать этого старого пройдоху? – добавил он хмуро.

– Боюсь, что да, сэр. Вы сможете найти его пижаму?

Найджел сунул руку под великолепно расшитое покрывало и вытащил тонкое ночное одеяние из фиолетового шелка.

– Посмотрите, инспектор! Разве это не омерзительно?

– Вещица не в моем вкусе, сэр, – сказал Фокс, борясь с правым ботинком отца Гарнетта. – По мне, так для тела нет ничего лучше шерсти, неважно, летом или зимой. А это слишком ненадежная штукавина.

¹⁰ Шекспир У. Гамлет. Акт 5, сцена 1.

Найджел попробовал представить Фокса в фиолетовой пижаме, но у ничего не вышло, и он только рассмеялся. Вдвоем они уложили священника в постель. Тот что-то пробормотал, приоткрыл глаза и произнес на безупречном английском: «Благодарю, сын мой»; потом поморщился с таким видом, словно его вот-вот стошнит, но благополучно преодолел этот приступ и снова погрузился в сон.

Вернувшись к Аллейну, двое увидели, что инспектор с головой ушел в чтение писем.

– Что-нибудь нашли, сэр? – спросил Фокс.

– Много чего. Сплошная мерзость. Это письма от женщин.

– И от покойной?

– Да. – Аллейн поморщился. – Вот оно. Прочтите. Псевдорелигиозный бред и истерическая экзальтация. Похоже, Гарнетт убедил ее, что их... э... союз одобрен на небесах и имеет духовное значение. П-ф-ф! – Он резко протянул письмо. – Читайте. Это важно.

Найджел стал читать через плечо Фокса. Письмо было написано на розовой бумаге с оттиснутым на полях адресом мисс Кары Куэйн. Даты внизу не было. Начиналось оно так:

Моему возлюбленному отцу и супругу в экстазе!

Я знаю, сегодня вас не будет дома, но чувствую, что обязана принести жертву ради того неземного, ошеломляющего, восхитительного блаженства, которым вы одарили меня прошлой ночью. До сих пор я пребываю в трепете и страхе. Неужели я достойна? Неужели я – Избранный сосуд? Чем я могу вас отблагодарить? Прилагаю к этому письму конверт. В нем находятся ценные бумаги, о которых я вам говорила, на сумму £5000. О, мне противно говорить о столь низменных вещах, но я уверена, что вы меня поймете: такова моя благодарственная жертва. Скажите о ней другим и позвольте им принести свои дары, чтобы мы могли построить новый храм. Я хочу, чтобы вы нашли это, когда вернетесь – и когда меня здесь уже не будет. О, наш новый храм! О, мой возлюбленный...

Письмо продолжалось еще на восьми страницах.

– Весьма необычно, сэр, – заметил Фокс, с невозмутимым видом прочитав весь текст. – Это деньги, о которых говорили мистер Огден и месье де Равиньи? Те, что лежат в сейфе?

– Они самые. Думаю, пора заглянуть в сейф.

Аллейн подошел к стене, отодвинул в сторону яванский гобелен и увидел дверцу встроенного сейфа. Покопавшись в ключах отца Гарнетта, он отпер замок и начал методично вынимать содержимое ячеек, раскладывая их на столе.

– Банковская книжка. Так, посмотрим. В прошлый понедельник заплачено пятьдесят фунтов. Похоже, наличных тут немного. Басгейт, сегодня были какие-то пожертвования?

– Нет. Наверное, мы еще не успели до этого дойти.

– Видимо, да. Хм, какой-то кошелек. Наверное, на мелкие расходы. А это что? Чек от мистера Огдена. На двадцать фунтов. Выписан в прошлую среду.

– Не понимаю, как ему удастся выкачивать деньги из этого джентльмена, – удивился Фокс.

– Поразительно, правда? Но знаете, Фокс, есть немало деловых людей, которые за пределами своей компетенции готовы поверить во что угодно.

– Вы думаете, мистер Огден из их числа?

Аллейн сунул ему чек.

– Смотрите сами, – ответил он и снова вернулся к сейфу. – Так-так! Чего тут только нет.

Он вытащил большой пакет и положил на стол. Это был толстый сверток из оберточной бумаги, перевязанный крест-накрест красной ленточкой. Сверху стояла надпись: «Преподобному отцу Джасперу Гарнетту», – а почерк, несомненно, принадлежал Каре Куэйн. Аллейн внимательно изучил ленточку. Потом рассмотрел сверток со всех сторон.

– Вы хотите его открыть? – спросил Найджел.

– Разумеется.

Тем не менее инспектор помедлил еще некоторое время, пока наконец не потянул за ленточку и не развернул края пакета. Он поднес сверток к лампе и впился в него взглядом. Потом молча положил на место.

– Ну что? – спросил Найджел.

– Знаете, Басгейт, мне очень жаль, что мистер Гарнетт так крепко спит.

– Почему?

– Потому что мне очень хотелось бы показать ему вот это.

Фокс взял пакет и тоже посмотрел внутрь.

– Матерь Божья! – воскликнул он.

– Эй, – вмешался Найджел, – дайте и мне посмотреть.

– Только не вытаскивайте. Просто загляните.

Найджел взял со стола пакет. Фокс осветил его фонариком. Подняв голову, Найджел посмотрел на обоих полисменов, потом снова заглянул в пакет, подумал, пожал плечами и наконец спросил:

– И это все?

– Думаю, да, – ответил Аллейн.

– Но, – пробормотал Найджел, – здесь просто газеты.

Он сунул палец внутрь и поворошил страницы.

– Верно, – согласился Аллейн.

– Черт! – хлопнул себя по лбу Найджел. – Мотив!

– Похоже на то.

– Гарнетт украл бумаги.

– *Кто-то* их украл. Басгейт, будьте добры, попросите Бэйли прийти сюда и снять отпечатки пальцев, надеюсь, они здесь есть.

Бэйли все еще прочесывал ризницу. Он вернулся вместе с Найджелом, достал свой порошок и начал колдовать над свертком. Аллейн сел за стол и стал просматривать другие бумаги из сейфа. Фокс пристроился рядом с ним на боковой тумбе. Найджел, покосившись на инспектора, достал блокнот, опустился в роскошное кресло отца Гарнетта, закурил сигарету и быстро застрочил.

– Набрасываете статью? – небрежно спросил Аллейн.

– Да, а что? – с вызовом ответил Найджел.

– Ничего. Покажите мне перед тем, как отдать в печать.

– Нет, это уже слишком! – сразу взвился Найджел. – Интересно, а как вы вообще здесь оказались? Кто вам позвонил? Разве я не проявил незаурядное присутствие духа? Благодаря мне вы практически сразу оказались на месте преступления. Имейте в виду, я намерен выжать из этой истории все, что можно. Я свидетель преступления! Это чистая правда, и все должны об этом знать.

– Не кипятитесь. Я только попросил показать статью.

– Да, чтобы вычеркнуть из нее все самое важное.

– Просто не упоминайте о ценных бумагах.

– Видите!

– И ради бога, не делайте из меня Неутомимого Инспектора Аллейна.

– Аллейн, это нечестно, – обиделся Найджел. – Я никогда не пользуюсь такими фразами. Вы надо мной издеваетесь.

– А какой стиль вы предпочитаете? Кажется, вам нравится Джордж Мур?

– С чего вы взяли? – спросил Найджел, покраснев.

– Его манера заметно влияет на вашу речь и делает ее довольно неуклюжей.

– Чепуха.

– На самом деле мне нравится этот стиль, но я очень плохо представляю, как его можно приспособить под полицейский репортаж.

– Глупости, – буркнул Найджел.

Он демонстративно вернулся к своей работе и, поразмыслив некоторое время, вычеркнул пару слов.

– Нашли отпечатки на пакете, Бэйли? – спросил Аллейн.

– Да, сэр. Все принадлежат одному человеку. Бьюсь об заклад, это наш преподобный. Я видел такие же на его бокале.

– Ага, – пробормотал Аллейн.

– Ага! – подхватил Найджел.

– Я бы не сказал, что все так уж «ага», – возразил инспектор.

– Эй! – вдруг воскликнул Фокс.

– Что случилось? – спросил Аллейн.

– Посмотрите на это, сэр.

Фокс подошел к столу и положил перед инспектором маленькую бумажку.

– Нашел ее в портсигаре, – объяснил он. – Кажется, снова эта леди.

– Да, это она, – подтвердил Аллейн. – Будь я проклят, – добавил он, – если это место не кишмя кишит тайными записками.

Найджел подошел посмотреть. Находка Фокса представляла собой крошечный листок глянцевого бумаги. В верхнем углу стояла печатная надпись «понедельник», ниже от руки было написано «воскресенье». Края бумаги с трех сторон были позолочены, а с четвертой шла неровная линия, словно листок оторвали от какого-то корешка. Кара Куэйн написала карандашом: «Надо увидеться. Ужасное открытие. Вечером после службы».

– Где вы это нашли? – спросил Аллейн.

– Вот здесь. – Фокс показал изящный портсигар, наполненный турецкими сигаретами. – Он лежал на журнальном столике, а записка была сверху на сигаретах. Вот так.

Он взял бумажку и положил в портсигар.

– Любопытно, – пробормотал Аллейн.

Он поднял брови, внимательно разглядывая листок.

– Принесите сумочку жертвы, – попросил он через минуту. – Она в зале.

Фокс вышел и вернулся с дамской сумочкой из мягкого сафьяна. Аллейн щелкнул замочком и вытряхнул ее содержимое на стол. В ней находились: маленькая пудреница, губная помада, носовой платок, кошелечек, пара перчаток и блокнот из красной кожи с притороченным к нему карандашом.

– Есть! – воскликнул Аллейн.

Он открыл блокнот и положил рядом записку. Бумага была та же самая. Аллейн написал пару слов карандашом.

– Есть! – повторил он. – Кончик карандаша сломан. Видите эти раздвоенные полоски? Они видны и в записке.

Аллейн полистал книжечку. Кара Куэйн делала довольно много записей: списки покупок, напоминания, заметки. Блокнот был исписан примерно до середины. Аллейн прочитал последнюю страницу и быстро поднял голову.

– У кого-нибудь есть вечерняя газета? – спросил он.

– Найдется. – Фокс достал из кармана аккуратно сложенный номер.

– Посмотрите, завтра будет премьера нового шоу в «Критерионе»?

– Можете не смотреть, – вмешался Найджел. – Премьера будет.

– Что ж, иногда и от вас есть польза, – пробормотал Аллейн. – Теперь все ясно. Записка была написана сегодня.

– Как вы это узнали? – спросил Найджел.

– На страничке с сегодняшней датой стоит запись: «Обед и премьера «Близкого друга», «Критерион», Рауль, завтра». Я хотел убедиться, что даты совпадают. Она вырвала следующую, то есть завтрашнюю страницу. Видите, на записке напечатано «понедельник»? Этот листок был вырван сегодня.

– Выходит, дело как будто начинает немного проясняться? – неуверенно заметил Фокс.

– Вы так думаете, Фокс? Может быть, может быть. Но все равно все очень запутано. Вот что, мой дорогой Фокси, закурите-ка свою трубку, и давайте пораскинем мозгами. Что вы обо всем этом думаете, старый пройдоха?

Фокс закурил трубку, сел на стул и серьезно уставился на инспектора.

– Ну, выкладывайте, – подбодрил его Аллейн.

– По-моему, сэр, пока еще рано говорить о чем-то наверняка, но можно предположить, что леди была в курсе того, что произошло с пакетом. Она узнала об этом сегодня, когда пастора не было дома: скажем, зайдя его проведать.

– И увидев, что сейф открыт?

– Возможно. Конечно, это выглядит большой неосторожностью, но все может быть. В любом случае она все узнала и решила рассказать пастору. Пришла сюда, написала записку и... Наверное, он подумал, что с этим надо что-то делать.

– Не думаю, что он читал записку, Фокс.

– Нет, сэр?

– Нет. Разумеется, мы проверим, есть ли на бумаге его отпечатки пальцев. Но если Гарнетт ее прочел, то убийца – не он.

– Почему? – спросил Найджел.

– Потому что он уничтожил бы записку.

– Пожалуй, – согласился Фокс.

– Однако, как я уже сказал, – продолжал Аллейн, – я не думаю, что он ее читал. Здесь нет окурков турецких сигарет, не так ли?

Они быстро осмотрели комнату. Аллейн сходил в спальню и почти сразу вернулся.

– Там ничего, – сообщил он, – не считая мистера Гарнетта, который очень глупо выглядит с открытым ртом. Думаю, нам лучше поискать отпечатки пальцев здесь, Бэйли. И еще на открытой двери. Вы что-нибудь нашли в спальне, Фокс?

– Только немного пудры в умывальнике, сэр. Это все.

– Как насчет окурков?

– Ни одного, – ответил Фокс, успевший осмотреть камин и все пепельницы в комнате. – По крайней мере турецких. Есть несколько виргинских: полагаю, они остались от мистера Басгейта и доктора Кергиса.

– Значит, он не открывал портсигар.

– По правде говоря, мне все больше кажется, что эта записка имеет прямое отношение к делу, – заметил Фокс.

– Думаю, вы правы. Положите их в мою сумку – портсигар и все остальное. И давайте на этом закончим и отправимся домой.

– А завтра? – спросил Найджел.

– Завтра мы покажем мистеру Гарнетту пакет с сюрпризом.

– Но что станет с этим джентльменом, сэр?

– А что с ним может быть?

– Он останется здесь совсем один? В таком состоянии?

– Господи, Фокс, что за невероятная заботливость! Ну да, а утром он проснется с пересохшим горлом и раскалывающейся головой. И с очень скверными мыслями. Пойдите, есть еще задняя дверь.

– Да, сэр.

– Надо поставить там пару людей. Все, давайте собираться. Фокс, уберите вещи обратно в сейф. А я закончу со столом.

Детективы с дотошной аккуратностью навели порядок в комнате. Аллейн запер сейф и все ящики стола и убрал ключи в карман. Он подошел к книжным полкам и, пока Фокс упаковывал полицейскую сумку, начал вполголоса читать заглавия на корешках:

– Коран, «Духовный опыт факира», «От Вотана к Гитлеру», «Душа в бутоне лотоса», «Смысл и послание», «Джнана-йога»... Так-так, тут есть и его собственные опусы. Вы не поверите, целая книжка стихов. В пурпурном бархате, будь я проклят! «Эрос на Голгофе и другие стихи», автор – Джаспер Гарнетт. Вот свинья!

Он открыл книгу и прочитал:

Вонзились в плоть и тернии, и розы.

Блаженство с пыткой – сладостный удел...

– Боже, какая мерзость!

Состроив гримасу, Аллейн поставил на место книгу, сунул руку поглубже, пошарил на полке и вытащил на свет несколько пыльных томов в оберточной бумаге.

– Петроний, – пробормотал он, – и тому подобное. Тайное хранилище развратника. Заметьте, как ловко спрятано! Так, а это что?

Он вернулся к столу и поднес к лампе старую потертую книгу.

– «Занимательная химия» Эбберли. Любопытное издание. Напечатано в «Гэйсок и Гауптман», Нью-Йорк, 1865 год. Где-то я ее уже видел. Но где?

Аллейн сморщил лоб, напрягая свою память, и тяжелая книга, которую он небрежно держал в тонких пальцах, стала сама собой перелистываться в его руках.

– А, вспомнил, – сказал инспектор. – В Бодлианской библиотеке, двадцать лет назад.

Он открыл глаза и повернулся к Найджелу. Тот стоял, разинув рот и вытаращив глаза.

– Что с вами? – спросил Аллейн.

Найджел указал на раскрытый том в его в руках. Фокс и Аллейн синхронно опустили головы.

Страница, на которой распахнулась книга, была озаглавлена: «Простой, но малоизвестный способ изготовить цианистый натрий».

Глава 12

Аллейн производит инвентаризацию

– Надо же, – хмыкнул Аллейн, положив книгу на стол. – Удивительное совпадение. – Помолчав немного, он добавил: – Если, конечно, слово «совпадение» тут уместно.

– Угу, – глубокомысленно вставил Фокс.

– Я бы скорее назвал это... рукой судьбы, Провидения или Немезиды. Что-то вроде этого, – скромно предложил Найджел.

– Да, это здорово смотрелось бы на передовице. Но не в этот раз.

Найджел продолжал взволнованно читать книгу.

– Послушайте, Аллейн. Здесь говорится, что цианистый натрий можно сделать из шерсти и стиральной соды.

– В самом деле? По-моему, это несъедобно.

– Надо только сильно нагреть их в реторте или где-нибудь еще. Тут говорится: «Мы можем только порадоваться тому, что этот способ до сих пор так мало известен. Новичкам же

советуем воздержаться от проведения подобных опытов, поскольку получаемое в результате вещество чрезвычайно ядовито».

– Да уж. Будьте добры, не дышите мне в шею и не трогайте книгу. Бэйли поищет на ней «пальчики». Вы заметили, что пыли здесь поменьше, чем на других томах, Фокс? Да и обертка более свежая. Остальные уже мхом поросли. Черт, мне это совсем не нравится.

Бэйли появился в комнате и взялся за книгу.

– Сомневаюсь, что результаты будут впечатляющими, – посетовал Аллейн. – Посмотрите не только обложку, но и открытую страницу. Чем пахнут эти книги?

Он принялся.

– Они все в каких-то пятнах. Запах очень слабый. Может, мне только кажется? Что вы думаете, Бэйли?

Аллейн внимательно рассмотрел «Занимательную химию».

– Эта тоже пахнет. Хотя пятен не видно. – Он вынул из кармана перочинный ножик и, поддев лезвием бумагу, заглянул под обложку. – Обложка красная, и пятен нет. Можете ее забрать, Бэйли.

– Но это наверняка очень важно, Аллейн! – вмешался Найджел. – Если в лаборатории обнаружат цианид натрия, а у Гарнетта была книга...

– Знаю, знаю. С его стороны было весьма неосторожно оставлять ее здесь. И даже глупо, не находите?

– Хотите сказать, что это просто совпадение?

– Господи, Басгейт, да откуда же мне знать? Ваша вера в мою прозорливость очень трогательна, но она направлена немного не по адресу.

– Да, но что вы об этом думаете? Это-то можете сказать?

– «Я думаю, что пустяки важны»¹¹.

– Хотите отделаться умной фразой?

– Не совсем. Подумайте сами. Мы знаем, что мисс Куэйн, судя по всему, убили с помощью цианида. И это сделал кто-то из восьми участников церемонии.

Найджел быстро посчитал в уме.

– Из семи. Шесть адептов и Гарнетт.

– А мистер Уитли, сэр? – напомнил Фокс. – Он передавал вино по кругу.

– Ах да. Что дальше?

– Дальше, – спокойно продолжал Аллейн, – у нас есть все основания думать, что яд попал в чашу из конвертика, сложенного из папиросной бумаги. Позже его нашли в том же месте, где упала чаша. Это то, что нам известно о случившемся. Далее мы узнали, что мисс Куэйн положила в сейф ценные бумаги на сумму пять тысяч фунтов. Мы нашли пакет, в котором, судя по всему, находились эти бумаги. Если так, то бумаги кто-то забрал и вместо них положил газеты. Мы обнаружили записку мисс Куэйн, адресованную, очевидно, мистеру Гарнетту. В ней сказано, что она сделала ужасное открытие и хочет с ним увидеться. Я сомневаюсь, что он прочел записку. Имеет ли она какое-то отношение к ценным бумагам, неизвестно. Мы нашли старую книжку по химии, спрятанную на полке мистера Гарнетта. Она открылась на странице, где описан домашний способ получения цианида натрия. Вот, собственно, и все, что у нас есть.

– А как насчет мотива? – спросил Найджел.

– Мотив... Мы говорим о мотиве Гарнетта, не так ли? Кажется, вы больше не считаете мистера Огдена главным злодеем.

– Ну, я говорил это не совсем серьезно. И потом, я не удивлюсь, если он и Гранетт вместе проворачивали дела в Америке.

¹¹ Юнг Э. Жажда славы.

– Вам тоже так кажется, Фокс? – спросил Аллейн.

– Честно говоря, сэр, я так не думаю. Под действием алкоголя отец Гранетт говорил очень откровенно и сообщил, что познакомился с мистером Огденом, путешествуя через Атлантику. Это совпадает с показаниями мистера Огдена.

– Вы правы, Фокс.

– И потом, сэр, мне совсем не кажется, что мистер Огден похож на чикагского бандита.

– И мне тоже. Возможно, мы с вами слишком консервативны, братец Фокс. Но если из Соединенных Штатов приехали два человека и один из них бандит, это еще не значит, что они старые приятели.

– По правде говоря, – признал Найджел, – после ваших слов это предположение и впрямь кажется притянутым.

– Но теперь-то они, разумеется, стали приятелями, – задумчиво протянул Фокс, – хотя, по-моему, мистер Огден больше похож на жертву, чем на преступника.

– Значит, остается Гарнетт, – заключил Найджел.

– Если Гарнетт украл бумаги, – заметил Аллейн, – и убил мисс Куэйн раствором цианида, он проделал это довольно странным способом. Выбрал момент во время церемонии, когда подозрение падало на всех семерых участников. Знал, что его комнаты будут обыскивать, и все-таки оставил пособие по химии на полке, где обнаружить ее было парой пустяков. Не уничтожил ни одного из ее писем. Даже не вынул из портсигара ее записку, в которой говорилось про «ужасное открытие».

– Но вы сами сказали, что он ее не читал, – возразил Найджел.

– Тогда зачем ему понадобилось убивать мисс Куэйн?

– Может, она позвонила ему по телефону или что-то в этом роде.

– Может быть, но тогда она должна была упомянуть и о записке?

– Наверное, – с сомнением произнес Найджел.

– Не спорю, все это довольно зыбко, – признал Аллейн. – И я нарушаю собственные правила, предаваясь домыслам. На самом деле мы только скользим по поверхности очень сложного и сомнительного дела.

– А как насчет остальных? – спросил Фокс. – Должен признать, это весьма необычная компания. И у каждого могут быть свои мотивы.

– Могут.

– Например, ревность, – вставил Найджел. – Ревность, страсть, религиозный фанатизм...

– Так, а теперь вы вещаете как проповедник. Bravo, Басгейт, сегодня вы в ударе.

– Не смейтесь. Давайте лучше обсудим всех по очереди.

– Ну хорошо, – вздохнул Аллейн. – Уже чертовски поздно, но так и быть. Итак, миссис Кэндур.

– Вот-вот! – воскликнул Найджел. – Вы заметили, сколько в ней желчи? А как она себя повела, когда вы сказали, что мисс Куэйн считают очень привлекательной? Ее буквально перекосило. Она ревнует даже к малышу Уитли. Помните обрывки бумаги из камина? Там в первой строчке написано: «Хочу вас предупредить», – а дальше видно слово «миссис» и начало «Кэн». Снова миссис Кэндур. И какое у нее было лицо, когда она сказала: «Ну, теперь-то она не выглядит красивой»? По-моему, просто ужасное.

– Верно, – спокойно согласился Аллейн. – Вы зрите в корень, Басгейт.

– Вы опять надо мной издеваетесь!

– Нисколько, мой друг, – твердо возразил Аллейн, – нисколько. Ради бога, простите, если я порой бываю чересчур заносчив. Это одна из моих дурных привычек. Даже если бы я и правда считал вас человеком недалеким, то не стал бы шутить на эту тему. Вы очень добры, что позволяете мне строить из себя бог знает что, а я бессовестно этим пользуюсь. Простите.

Он выглядел таким смущенным и говорил так искренне, что Найджел был поневоле тронут.

– Старший инспектор, – заявил он торжественно, – я ваш Ватсон и всего лишь жалкий червь. Вы можете делать со мной все, что хотите. О, позвольте мне и впредь приносить вам плоды моей некомпетентности!

– Прекрасно сказано, мистер Басгейт, – одобрил Фокс.

Аллейн и Найджел с удивлением покосились на него, но Фокс выглядел вполне серьезным.

– Ну хорошо, – поспешил продолжить Аллейн, – вернемся к Кэндур. Она вела себя, как вы правильно заметили, не лучшим образом. Но стала бы она так поступать, если бы убила мисс Куэйн? Вполне возможно. Под конец она явно пыталась завоевать нашу симпатию. И именно она первой взяла чашу. Это еще один «пустяк», который может быть важен. С ней все. Теперь месье де Равиньи.

– А, французский джентльмен, – вступил в разговор Фокс. – Он очень искренне говорил о своей любви к покойной. Правда, мы бы об этом все равно узнали, так что его откровенность не столь уж необычна. С другой стороны, между пастором и жертвой были какие-то отношения. Мистер Прингл видел это собственными глазами. Но месье де Равиньи не упомянул об этом ни слова.

– Что наводит на размышления, – согласился Аллейн. – Вам не показалось, что он вел себя слишком холодно, Фокс?

– В самом деле, сэр, – подтвердил его помощник. – По крайней мере до тех пор, пока я не взял в руки фотографию покойной. Тут он вспыхнул как факел. Во Франции часто пишут об убийстве из ревности, правда? Я слышал, некоторых даже оправдывают. А вы обратили внимание, что мисс Уэйд сказала про его платок?

– Обратил.

– Месье – весьма хладнокровный человек, – заключил Фокс.

– Надо будет побольше разузнать об их отношениях в Париже, – устало вздохнул Аллейн. – Проклятье. Следующая – мисс Уэйд. Мы будем рассматривать их в том же порядке, в каком они держали чашу.

– Пустой номер, – пробормотал Найджел. – Просто еще одна благочестивая старушка со сдвигом в голове. Божий одуванчик. По-моему, довольно милая.

– Но что за глупости она наговорила шефу, – с неожиданной горячностью вмешался Фокс. – «Вы учились в полицейском колледже, сэр?» Ох уж эти старушечки. О них только книжки писать. Учат постовых, как управлять уличным движением!

– А мне понравилось, как она сказала, что всю церемонию простояла с закрытыми глазами, и тут же подробно описала, что делал каждый из участников, – заметил Найджел. – Забавно, не так ли, Аллейн?

– Пожалуй, – согласился тот. – Это любопытно и весьма полезно.

– Номер четыре, – продолжал Фокс. – Мистер Прингл. Опять же, довольно сомнительный тип. И темперамент у него очень подходящий. Нервный, легко возбудимый юноша, к тому же употребляет наркотики, как вы сами выяснили, сэр.

– Согласен, – кивнул Аллейн. – Тип подходящий. В самом худшем смысле. Вздвинченный, на грани эмоционального срыва, не говоря уже о том, что сейчас у него что-то вроде похмелья после неумеренного обожествления своего героя. Наивный восторженный юнец. Надеюсь, что убийца – не Прингл.

– Наверное, – ввернул Найджел, – он решил, что мисс Куэйн – злой гений Гарнетта.

– Да, – пробормотал Аллейн. – Не стану строить из себя психолога, но на его месте я бы обратил свой гнев против развенчанного кумира, а не против – как бы лучше сказать – его искусительницы. Сделав ужасное открытие, я бы тут же направил свою ярость на Гарнетта, а

не стал бы ждать три недели, чтобы убить мисс Куэйн. Но, возможно, я ошибаюсь, – добавил он после недолгого раздумья. – Ведь мы имеем дело с Принглом. Это невротик, наркоман, человек, переживший глубокий стресс. Он долгое время боготворил Гарнетта, и вдруг все рухнуло. Боюсь, в последние недели его жизнь превратилась в настоящий ад. Кстати, нам надо проверить содержимое турецких сигарет. Еще одна работа для криминалистов.

– Теперь мисс Дженкинс, – подсказал Фокс. – Номер пять.

– Мне кажется, очень приятная особа, – заявил Найджел. – Я бы сказал, девушка с характером. Не то чтобы красивая, но довольно симпатичная. И умная.

– Очень умная, – согласился Аллейн.

– Честно говоря, не понимаю, как она могла участвовать в этом шоу, – признался Фокс. – Такая достойная молодая леди...

– Она же сама все объяснила, – перебил его Найджел. – Из-за этого растяпы Прингла. Женщины вообще...

– Да-да, – поспешил вмешаться Аллейн. – Думаю, не стоит вдаваться в такие тонкости. Пока мы знаем только то, что у мисс Дженкинс не было явных мотивов для убийства. Поэтому вернемся к Огдену.

– Номер шесть – мистер Огден, – торжественно объявил Фокс. – Мне кажется, сэр, единственная причина, по которой мы подозреваем мистера Огдена, заключается в том, что он американец, так же, как и отец Гарнетт. А этого не вполне достаточно.

– Да, недостаточно, – признал Аллейн. – Скорее всего, их встреча посреди Атлантики действительно была первой. Я с вами согласен, Фокс.

– Что касается недавних откровений отца Гарнетта, – вставил Найджел, – это лучшее подтверждение максимы «in vino veritas».

– Кто-нибудь должен был ее вспомнить, – пробормотал Аллейн. – Хотя вы абсолютно правы, Басгейт.

– Значит, подсчет окончен.

– Нет. Вы забыли про Опифекса.

– Что за Опифекс?

– Еще одна отсылка к классике. Помните стишок из латинского учебника?

Artifex и Opifex¹²
В мужском и женском роде
Одинаково звучат
При любой погоде.

По-моему, Лайонелу и Клоду очень подошли бы эти имена.

– Пожалуй, – рассмеялся Найджел.

– Артифекс возился с ладаном, поэтому его можно не считать. А у Опифекса было не так много возможностей, как у остальных. Он ведь не брал в руки чашу?

– Кажется, нет, – ответил Найджел. – Зато наклонялся над адептами, когда они передавали ее по кругу.

– Вы говорите о мистере Уитли? – вмешался Фокс.

– Да, о мистере Клоде Уитли.

– Вряд ли у него хватило бы духу кого-то убить, вам не кажется, сэр?

– Конечно, не хватило бы, – уверенно подтвердил Найджел.

¹² В латинском языке слова-синонимы, означающие «артист, мастер своего дела».

– Яд называют оружием женщин, – неопределенно ответил Аллейн. – Впрочем, подобные обобщения всегда опасны. Ну все, нам пора домой. Не вижу, что еще тут можно сделать. Бэйли, нашли что-нибудь интересное?

Сержант Бэйли уже вернулся из спальни и усердно трудился над книгой и пакетом. В ответ он пробурчал с недовольно-скучающим видом:

– На книге – ничего. На свертке, скорее всего, «пальчики» преподобного Гарнетта, но я их на всякий случай сфотографирую. В спальне есть отпечатки преподобного и чьи-то еще. Возможно, мистера Прингла. Я взял образчик вон с тех перил. Видел, как он брался за них рукой.

– Вы узнали, как работает факел?

– Да. На керосине. Бутылка стоит в ризнице.

– Зажгите его, Бэйли, будьте любезны.

– Слушаюсь, сэр.

– У вас случайно нет папиросной бумаги?

Бэйли без малейшего любопытства протянул ему пачку бумаги и ушел. Аллейн взял с буфета серебряную чашу, наполнил ее вином из бутылки отца Гарнетта, насыпал в папиросную бумагу немного соли, сложил ее пополам и завернул с одного конца. Фокс тем временем закрыл и опечатал сейф. Аллейн убрал ключи в карман.

– Идем, – скомандовал он.

Все вернулись в святилище. Бэйли зажег факел на стене. Пламя сразу оживило храм, однако вид у него был довольно неприглядный. Больше всего он напоминал безвкусную декорацию к второсортному фильму. Нагие статуи, кубические звери, алый бархат и помпезная лепнина сверкали мишурным блеском. Найджел подумал, что при таком избытке украшений трудно говорить о настоящей красоте. Впрочем, хотя вся эта пышность и выглядела слишком театрально, она все-таки производила большой эффект. Никто не назвал бы ее глупой и дешевой. В неровном свете факела лица изваяний шевелились и дышали жизнью. Ноздри Вотана трепетали, его веки двигались, а в мрачно сдвинутых бровях угадывались мощь и сила. Некоторые из богов словно раздували щеки, другие открывали и закрывали тяжелые глаза. В храме стояла глубокая тишина – только пляшущее пламя слабо шипело. Время от времени под сводами гулко звучали мужские голоса. В зале становилось очень холодно.

Аллейн остановился на ступеньках алтаря и оглядел церковь.

– Всех прошу подойти сюда, – позвал он.

Его голос эхом разнесся по залу. Из ризницы вышел мужчина в штатском и направился к ним. Еще один появился в конце прохода. Со стороны галереи замаячила фигура констебля.

Когда все подошли к факелу, Аллейн попросил собравшихся опуститься на колени. Они выполнили приказ: констебль и Фокс невозмутимо, Бэйли – с мрачным безразличием, двое в штатском – с легким интересом. Найджелу от этой инсценировки стало не по себе. Ему мерещилась фигура Кары Куэйн, выходящая из темноты.

Аллейн тоже опустился на колени. Тень от факела падала на его руки. Все сложили ладони так, как показал Найджел, и стали передавать чашу по кругу, начиная с Фокса, который занял место миссис Кэндур. Аллейн заставил их дважды проделать эту процедуру. Потом все встали.

– Что-нибудь заметили? – спросил инспектор.

Никто не ответил.

Аллейн неожиданно бросил чашу. Она упала с глухим звуком, и вино выплеснулось на ковер. Инспектор наклонился и попросил остальных подойти поближе. На дне сосуда остались остатки вина и маленькая бумажка.

– Смотрите, она прилипла к стенке, – показал им Аллейн.

– А когда вы ее подбросили, сэр? – спросил Фокс.

– Во время первого круга. Никто ничего не заметил. Здесь слишком темно. Конвертик упал и перевернулся, соль высыпалась в вино, а бумажка стала незаметной. Я даже не покрасил ее в красный цвет, но все равно никто ее не увидел.

– Надо же, – пробормотал Фокс.

Бэйли издал громкое «хм!» и нагнулся, чтобы лучше рассмотреть бумажку.

– Кстати, – вдруг добавил Фокс, – а откуда убийца знал, что все пройдет так гладко?

– Ну, это уже другой вопрос, – ответил Аллейн. – Думаю, в нем и заключается ключ к разгадке.

Часть 2

Глава 13 Няня

На следующее утро после визита в Храм Священного пламени Найджел проснулся с чувством смутной тревоги, словно накануне ему приснился кошмар. Воспоминания о ночных событиях понемногу стали проясняться, но ему все равно не верилось, что все это происходило на самом деле. Казалось невероятным, что всего несколько часов назад он стоял на коленях под пылающим факелом, окруженный статуями мифических богов, и смотрел на то, как женщина, словно одержимая злыми духами, осушает чашу и корчится в ужасных муках. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним начинали кружиться лица посвященных: мисс Уэйд с ее сухим поджатым ртом, вечно болтавший мистер Прингл, басовитый Огден, месье де Равиньи, склонявший голову в гротескном реверансе, мисс Дженкинс, миссис Кэндур, все шире открывавшая рот...

Наконец он стряхнул с себя остатки сна, выбрался из постели и подошел к окну. Дождь все еще барабанил по крышам. По Честер-террас плыли мокрые зонты. На углу с Ноклэтчерс-роу стояла тележка молочника с бурым пони, понуро опустившим голову. Найджел бросил взгляд в глубину Ноклэтчерс-роу. Наверное, он не удивился бы, не окажись там никакого храма, но вывеска по-прежнему была на месте: она покачивалась на ветру, а в стене под ней виднелся узкий вход.

Найджел принял ванну, позавтракал и открыл утреннюю газету, но не нашел никаких упоминаний о вчерашнем инциденте. Что ж, тем лучше. Он позвонил в офис, взял свои заметки, сел за пишущую машинку и около часа трудился не покладая рук. Потом позвонил еще раз, на этот раз в Скотленд-Ярд.

– Привет! – поздоровался Найджел самым задушевным тоном.

– В чем дело? – сухо спросил Аллейн.

– Как дела?

– Спасибо, лучше не бывает. Что нужно?

– Я насчет своей статьи...

– Ну конечно.

– Хотелось бы побыстрее ее опубликовать.

– Через полчаса у меня встреча с прокурором, потом я уйду.

– Буду через десять минут.

– Лети, моя голубка, – заключил инспектор.

Найджел схватил рукопись и бросился на улицу.

Он застал Аллейна в кабинете – тот что-то деловито писал за своим столом. Инспектор встретил Найджела улыбкой.

– А вы настойчивый парень, – заметил он. – Садитесь. Освобожусь через пять минут.

Найджел робко присел рядом и положил рукопись на край стола. Через какое-то время Аллейн взял ее в руки, прочитал, сделал пару пометок и вернул обратно.

– Вы быстро учитесь, – одобрил инспектор. – Думаю, вам надо срочно бежать на Флит-стрит.

– Согласен, – кивнул Найджел. – Эта статья – просто бомба. На этот раз они встретят меня с распростертыми объятиями. А у вас какие планы, инспектор?

– Поеду на Шеперд-маркет и встречу с шефом.

– В дом Кары Куэйн? Я с вами.

– Неужели?

– А вы против?

– Нет, почему же. Только не приводите с собой толпу собратьев-кровососов.

– Исключено. Я появлюсь тихо, как ночная фея.

– Лучше прихватите с собой мою визитку. Только не забудьте потом вернуть: я помню, как вы накуролесили с ней в последний раз. – Он перебросил через стол визитную карточку. – Чувствую себя ректором, награждающим лучших учеников.

– О, большое спасибо, сэр! Для меня это великая честь, сэр! – подобострастно воскликнул Найджел.

– Ради славы нашего колледжа, Басгейт!

– Воистину, сэр.

– Кстати, – заметил Аллейн, – школьники нравились мне куда больше, когда говорили такие вещи.

– «Честные простые парни» и все такое?

– Ну да, что-то вроде этого. А теперь все ведут себя как маленькие мудрецы. Прячутся за стеной иронии, хотя это прерогатива зрелого возраста. Впрочем, я разболтался. Встретимся через полчаса в замке Куэйн.

– Договорились.

Найджел поспешил в офис, где его статья произвела фурор. Редакторы отделов, к его вконец удовлетворению, рвали на себе волосы, перекраивая главную страницу, чтобы вставить новый материал. Из редакции на Ноклэтчерс-роу срочно послали фотографа, еще одного – на Шеперд-маркет. Найджел присоединился к последнему и через несколько минут уже звонил в парадную дверь Кары Куэйн.

Ее открыл огромный констебль, которого он уже видел раньше, – П.С. Эллисон.

– Боюсь, я не могу вас впустить, сэр, – вежливо, но твердо начал он.

– Эй, постойте, вы не за того меня приняли, – перебил его Найджел. – У меня есть пропуск.

Он показал карточку Аллейна.

– Другое дело, сэр, – кивнул П.С. Эллисон. – А вас я прошу удалиться, – добавил он, обращаясь к энергичному молодому человеку, который взлетел вслед за Найджелом по лестнице и попытался протолкнуться вместе с ним за дверь.

– Но я представитель... – начал юноша.

– Забудь об этом, – бросил через плечо Найджел.

Констебль захлопнул дверь.

Журналист нашел Аллейна в гостиной. Это была симпатичная комната, обставленная в современном вкусе: светлые тисненные обои, шторы в вишневую полоску, глубокие удобные кресла из мягкой кожи. Над камином висел оригинал Ван Гога – ослепительно яркий, словно окно в другой мир. В камине тихо потрескивал огонь. Аллейн устроился у окна за элегантным письменным столом. Он сидел спиной к Найджелу, но его лицо отражалось в зеркале, висевшем над столом. Инспектор с головой ушел в работу и не слышал, как вошел Найджел. Журналист остановился в дверях, разглядывая Аллейна.

«Он ни капли не похож на детектива, – размышлял Найджел. – Скорее на какого-нибудь атлета с армейской выправкой. Впрочем, нет, слишком избито... Вообще, он здорово смахивает на фавна. И в то же время обладает всеми признаками классического сыщика. Высокий, смуглый, худой. Глубоко посаженные глаза...»

– Сочиняете новую статью, Басгейт? – неожиданно спросил Аллейн.

– Э... о... Ну, в общем, да, – ответил Найджел. – Как идут дела?

– Довольно туго. К сожалению, у мисс Куэйн очень старательные слуги. Я как раз собираюсь с ними познакомиться. Кстати, не хотите заняться стенографией? Тогда мне не придется звать сержанта.

– С удовольствием, – ответил Найджел.

– Если сядете в кресло, никто не заметит, что вы пишете.

– Вы правы.

Он сел и приготовил блокнот.

– Можете пригласить прислугу, Эллисон! – крикнул Аллейн констеблю.

– Есть, сэр.

Первой вошла пожилая женщина, одетая в платье из черной ткани. (Найджел почему-то решил, что это бомбазин.) У нее были седые, словно стальные, волосы, бледное лицо, густые брови и твердо сжатый рот. Видимо, накануне она много плакала, но теперь сумела взять себя в руки. Аллейн встал и пододвинул ей стул.

– Вы мисс Эдит Хебборн? – спросил он.

– Да, сэр.

– Я инспектор Аллейн. Мы должны поговорить с вами об убийстве мисс Куэйн. Хотите присесть?

Она долго колебалась, но затем села на краешек стула.

– Боюсь, это стало для вас ужасным шоком, – продолжал Аллейн.

– Вы правы.

– Думаю, вы понимаете, что нам надо задать вам несколько вопросов по поводу мисс Куэйн.

Он выдержал паузу, но она промолчала.

– Как долго вы работали у мисс Куэйн?

– Тридцать пять лет.

– Тридцать пять лет! Почти всю ее жизнь.

– Ей исполнилось три месяца, когда меня к ней взяли. Я была ее нянечкой.

Она говорила низким хриплым голосом. Словно «нянечка» в ее устах звучало как-то неуместно.

– Понимаю, – кивнул Аллейн. – Значит, это был не только шок, но и подлинное горе. А когда она выросла, вы стали ее горничной?

– Да, сэр.

– Не могли бы вы рассказать о ней побольше: как прошло ее детство, где она жила? Кто ее родня?

Женщина немного помолчала. Найджел боялся, что она не станет отвечать или постарается отделаться пустыми фразами, но после паузы служанка заговорила:

– Кара была единственным ребенком в семье. Родилась после смерти отца.

– Ее отец – полковник Куэйн из Элдербурн-Мэнор, Севенокс?

– Да. Он и миссис жили в Индии. Он погиб во время игры в поло. Миссис Куэйн вернулась в Англию, когда Каре исполнился месяц. Ее кормилицей была черная женщина по имени Эй-Ях, или что-то в этом роде. Она все время мерзла и скоро уехала домой. Мне она никогда не нравилась. В Англии миссис прожила всего год после возвращения.

– Трагичное начало жизни, – заметил Аллейн.

– Да, сэр.

– Куда вы отправились с ребенком?

– Во Францию, – ответила служанка таким тоном, словно хотела сказать: «Куда глаза глядят».

– Почему именно туда?

– В Англии у нее не было родных. Они все перебрались за границу. Близкой родни не было совсем. Трюродный брат полковника жил, если не ошибаюсь, в Новой Зеландии. Они никогда не виделись. Самой близкой родственницей считалась тетя миссис Куэйн. Французская дама. Сама миссис тоже была француженкой, хотя по ее виду вы бы никогда не догадались.

Судя по всему, Аллейн сумел немного растопить лед. Служанка продолжала:

– Мы поселились в маленьком доме по соседству с тетей (ее звали мадам Верне), у которой был свой Шатер – знаете, большой такой особняк – недалеко от Антиб. Он назывался Шатер Верне. Мы прожили там восемь лет. Потом мисс Кара поступила в монастырский пансион, принадлежавший папистской церкви. Так решили мадам Верне и второй опекун, джентльмен, который потом умер. Я переехала в Шатер, а мисс Кара приезжала к нам на праздники.

– Как долго это продолжалось?

– Пока ей не исполнилось семнадцать. Мадам умерла. Шатер продали.

– И вы всегда... Я хочу сказать – у вас не было никаких проблем с деньгами?

– Мисс Кара была богатой наследницей, сэр. И полковник, и мадам оставили ей значительные суммы. У нас всегда хватало средств.

– Вы остались во Франции?

– В Париже. Мисс Каре там нравилось. У нее появились друзья.

– Одним из них был месье де Равиньи?

– Верно, – сухо ответила мисс Хебборн.

– Вы не считали его подходящим другом?

– Считала. До недавних пор.

– Почему вы изменили свое мнение?

– Поначалу я ничего не имела против мистера Равиньи. Он был старым другом мадам и часто гостил в Шатре. Приятный джентльмен, спокойный, сдержанный, не такой напыщенный болтун, как многие его соотечественники. Иностранец, конечно, но иногда мог сойти за англичанина.

– Слова мисс Уэйд, – пробормотал Аллейн.

– Неужели! – воскликнула мисс Хебборн. – Неважно. Короче говоря, сэр, мистер Равиньи изменился после переезда в Лондон. Причем к худшему. Он навел нас вскоре после того, как мы устроились, и сказал, что Лондон не в его... Как он выразился...

– Не в его характере? – подсказал Аллейн.

– Да, сэр. Разумеется, на самом деле проблема была в мисс Каре. Мистер Равиньи испытывал к ней нежные чувства, но она его не любила. Никогда. Потом он начал нести всякую околесицу насчет этой новомодной религии, которая ему очень нравилась. Сплошная чушь и пустозвонство.

Бледные щеки служанки возмущенно покраснели. Она сделала необычный жест – быстро провела рукой по носу и губам, словно смахивая с них паутину.

– Вы говорите про Храм Священного пламени и его обряды?

– Священного пламени! Богохульство, чепуха и мерзость. И этот сладкоречивый мистер Гарнетт с его елейным голоском... Никогда не прощу за это мистера Равиньи, о чем ему хорошо известно. Мисс Кара резко изменилась. Вся, до глубины души. Она всегда была очень нервной и чувствительной. Возбудимый ребенок, порывистая девушка. Помню, как в четырнадцать лет она решила стать паписткой. Я едва ее отговорила. Кара с детства воспитывалась в лоне англиканской церкви. Сама-то я протестантка, методистка. Но таково было желание ее родителей, и я свято выполнила их завет.

– Это очень благородно с вашей стороны, няня... Простите, сорвался с языка.

– Все в порядке, сэр. Я всегда была ее «нянечкой», с тех пор как она научилась говорить.

Она прикусила губу и продолжала:

– Как только мисс Кара начала ходить в это скверное место, все пошло не так. И я ничего не могла поделать. Ничего. Мне оставалось только сидеть и смотреть, как моя... как мисс Кара повернулась спиной к Господу и ступила на путь гибели. Однажды она взяла меня с собой, – добавила служанка, гордо вскинув голову. – Один вид их капища, с голыми идолами и сатанинскими отродьями... Честное слово, это было даже хуже, чем Рим. Да, представьте себе! И когда я узнала, что она хочет стать служительницей в этой обители порока и разврата, в этой гнусной пародии на нашу святую Церковь, я пожалела, что Кара не умерла, когда была невинным младенцем. Я бы предпочла...

Нянечка вдруг умолкла. Все ее тело тряслось с головы до ног. Последние фразы она произнесла повышенным тоном, словно обращаясь к кому-то с речью. Что-то похожее Найджел слышал недавно от одной проповедницы в Гайд-парке. В ее голосе звучала та же упрямая, страстная, уверенная нота. По сравнению с вчерашним действием в храме она казалась чистой и естественной, как поток простой воды.

– Успокойтесь, няня, – попросил Аллейн.

– Да, сэр. Спасибо. Но мне трудно успокоиться, когда я думаю о своей бедной овечке, угодившей в сети порока и погрязшей в пучине зла. Видит Бог, сэр, уж лучше бы мне ей было не мешать, когда она, еще невинное дитя, хотела отправиться в свой Рим.

– Она заинтересовалась этой церковью только благодаря месье де Равиньи?

– Он все начал. Как-то вечером пригласил ее туда. Сказал, что это ее «развлечет». Развлечет! Какое развлечение может быть в подобном месте? А этот мистер Гарнетт – уж неподобным я его точно не назову, – он сделал все в сто раз хуже. Бог мне свидетель. Будь на его месте сам сатана, изрыгающий богохульства прямоком из ада, он и то не мог бы говорить гнуснее. Я уже молчу про их обряды! Она думала, я ничего не знала. Но я знала.

– Откуда?

Няня отвела глаза.

– Слышала, что они говорили, когда приходили к ней. Миссис Кэндур, например. На нее только раз посмотришь, и уже все ясно. Неприятная женщина и совсем не леди. А мисс Уэйд! В ее возрасте можно быть и поумнее. А она все только трещит, трещит о своем «дражайшем отце Гарнетте». Отец, как же! Отец лжи, вот он кто. А я должна была молча смотреть, как мое дитя все ближе и ближе подходит к краю адской пропасти...

Служанка снова замолчала. Ее губы дрожали. Она зажала их рукой.

– Как мисс Кара провела вчерашний день? – спросил Аллейн.

Мисс Хебборн рассказала, что все утро ее хозяйка не выходила из комнаты, вероятно медитируя. От обеда она отказалась. Часа в два мисс Кара послала за машиной, и позже шофер сообщил горничной, что отвез ее в церковь. Дожидаясь ее на улице, он пару раз взглянул на часы: было без десяти три. По словам шофера, когда мисс Кара вышла из церкви, на ней лица не было. Он отвез ее прямо домой.

– Еще один вопрос, – продолжал Аллейн. – Где вы были вчера вечером, когда мы пытались дозвониться вам по телефону?

– Вышла на прогулку.

– На прогулку? В такую погоду?

– Да, сэр. Мисс Кара сказала мне, что сегодня ее первый вечер в роли «избранного» чего-то там, и мне было не по себе. Я пыталась с ней поговорить, но она меня не слушала. Просто вышла из комнаты, словно я вообще ничего не говорила. Когда она уехала и я осталась одна, мне стало совсем невмоготу... Мне захотелось сходить в нашу церковь, но я не могла. Поэтому я надела шляпу и пальто и последовала за ней.

– На улицу?

– Да. Мисс Кара взяла машину, поэтому я, конечно, не могла ее догнать, но решила, что пойду пешком. Я была в отчаянии.

– Понимаю. Что вы собирались делать, придя в храм?

– Сама не знаю. У меня мелькнула мысль: просто войти туда и стоять во славу Божью среди Его врагов. Да, я бы так и сделала. Но когда я подошла к дверям, они были закрыты, и какой-то прыщавый юноша заявил, что я не могу войти. Он сказал, что и так уже нарушил правило сегодня вечером. Не знаю, что он имел в виду. Я отошла от двери, услышала, как они завывают внутри, и чуть не сошла с ума. Потом я долго шла под дождем, а когда вернулась домой, было уже поздно. Все легли спать. Я ждала ее. Ждала, пока не позвонили из полиции. Это было уже утром.

– Понятно. Кстати, когда вы написали мистеру Гарнетту, чтобы предупредить его насчет Кары?

Трудно сказать, кого этот вопрос поразил больше: Найджела или служанку. Няня несколько секунд смотрела в зеркало за спиной Аллейна и вдруг обронила:

– В пятницу вечером.

– Значит, он получил записку в субботу?

– Да.

– И вы отправились в храм, чтобы посмотреть, как это подействовало?

– Да.

– Ясно. Спасибо, няня.

Женщина помолчала и, немного поколебавшись, заговорила сбивчиво и быстро:

– Есть еще кое-что. Когда я пришла туда и у меня перед носом захлопнули дверь, я поняла, что не успокоюсь, пока не узнаю... что там происходит. Я обошла здание с другой стороны. Там был какой-то дворик, и я услышала голоса. Потом увидела дверь. Я постояла, прислушиваясь к звукам. Один голос звучал громче других. Потом я заметила, что дверь немного приоткрыта и...

– И вошли внутрь.

– Да, сэр. Это было необходимо. Я должна была знать... Там оказались комнаты этого человека. В гостиной горел свет. Голос раздавался все громче. И я вошла. Мисс Кара говорила, что он живет в квартире рядом с храмом, и я знала, что должна быть еще одна дверь. Я ее приоткрыла. Там был занавес, но я отодвинула его в сторону.

Бледное лицо служанки густо покраснело. Она с вызовом взглянула на Аллейна:

– Поймите, я не могла удержаться.

– Да, я знаю. Что вы увидели?

– Они двигались. Я разглядела первый ряд. Потом ее. Мисс Кару. Она взбежала по ступенькам в мою сторону. Тот человек был совсем рядом. Он стоял спиной ко мне. Ее лицо... ее прекрасное лицо – оно было ужасно. Потом она повернулась к ним. Стала кричать. Во весь голос. Я хотела это остановить. Вмешаться, броситься к ней. Но не могла. Не сдвинулась с места. Только стояла и смотрела. Я могла ее спасти. Нет, молчите: я знаю, что могла. Потом к ней подбежали другие люди. Целая стая...

– Да, продолжайте, – быстро вставил Аллейн. – Расскажите подробнее...

– Я не забуду эту сцену до конца своих дней. Первым был американский джентльмен, Огден. Потом еще двое, молодой человек и мисс Дженкинс. Она единственная, с кем можно общаться в этой своре. Заблудшая овечка, как и мое бедное дитя. Миссис Кэндур и мисс Уэйд пытались занять место рядом с тем человеком. Я видел, как мисс Кэндур отталкивала других, чтобы оказаться справа от него. С левой стороны к нему рвалась мисс Уэйд. Это была настоящая атака. Но у нее ничего не вышло. Она столкнулась с американцем и чуть не упала. Мне показалось, он нарочно преградил ей путь, чтобы соблюсти приличия.

– Вот как. И что она сделала после этого?

– Американец поставил ее возле мистера Равиньи, а сам встал рядом с тем человеком. Потом моя бедная девочка снова начала кричать. Не спрашивайте меня. Я не могла, не могла больше смотреть. Что-то внутри меня сломалось. Я развернулась и кое-как выбралась на улицу...

Женщина отвернулась и всхлипнула, громко высморкав нос.

Аллейн встал.

– Вам надо немного поспать.

Няня промолчала.

– По крайней мере, мисс Кара больше в этом не участвует.

– Благодарю за это Господа, – пробормотала мисс Хебборн.

– Не стану больше вас задерживать. Скажите, мисс Куэйн оставила какое-нибудь завещание?

– Да, сэр, она написала его, как только достигла совершеннолетия. Но боюсь, что позже оно было изменено. Мисс Кара говорила мне, что собирается поговорить об этом с мистером Раттисбоном, ее адвокатом. Насколько мне известно, те люди выманивали у нее деньги.

– Много?

– Не знаю, сэр, но могу предположить, что очень много. Скорей всего, она оставила им все, что у нее было. – Она помолчала, потом добавила, повысив голос: – Если ее убили, сэр, то из-за денег. Запомните мои слова: все дело в деньгах.

– Самый распространенный мотив, – кивнул Аллейн. – Спасибо. А теперь идите и постарайтесь немного отдохнуть. Вам это необходимо.

Няня еще раз высморкалась и, пробормотав: «Большое спасибо», – направилась к двери. На пороге она остановилась.

– Могу я попросить вас об одолжении, сэр?

– Разумеется.

– Вы позволите мне... забрать ее домой до похорон?

– Только не сейчас, – мягко ответил Аллейн. – Может быть, завтра, хотя... это плохая идея.

Она пристально посмотрела ему в глаза и, не сказав больше ни слова, вышла из комнаты.

Глава 14

Найджел составляет список

– Очень достойная женщина, – заметил Найджел со своего места.

– В самом деле, – согласился Аллейн. – Думаю, нам надо побеседовать с привратником из дома нечестия.

– Чтобы подтвердить ее рассказ?

– Хотя бы.

– Послушайте, – начал Найджел, – а как вы узнали?..

– Не важно. Сидите тихо. Мне надо поговорить с остальным персоналом.

Как оказалось, «остальной персонал» не блистал ни знаниями, ни умом. Шофер, две горничных, уборщица и кухарка были одновременно взбудоражены и подавлены, словно не знали, что их волнует больше: разразившаяся трагедия или страх остаться без работы. Уборщица, сухая и сдержанная женщина, держалась так холодно, словно все случившееся нанесло ей личную обиду, но при этом едва удерживалась от приступа истерики. Старшая горничная выглядела взволнованной, младшая – растерянной. Кухарка плакала, но рассеянно и без души, с видом сердобольной толстушки, которая любит иногда пустить слезу. Все дружно подтвердили показания няни насчет событий вчерашнего дня. Шофер повторил,

что в половине третьего отвез мисс Куэйн в церковь, а без пяти три привез обратно. Она действительно казалась очень расстроенной, когда выходила из церкви. «На ней лица не было, – сказал он. – Хозяйка сильно побледнела и даже задыхалась». Ему надоело сидеть в машине, и он прошел по коридору до двойных дверей. Мисс Куэйн оставила одну створку приоткрытой, и шофер заглянул в зал. Он увидел, как хозяйка выходила из алтарной двери. Ему послышалось, как она что-то сказала, и он решил: говорит с отцом Гарнеттом. Пока шофер ждал, в церковь вошли два или три человека. Аллейн спросил старшую горничную, кто работал у мисс Куэйн после того, как она поселилась в этом доме, и как часто ее посещали посвященные. Старший инспектор протянул ей список имен, и она взяла листок в руки, жеманно отогнув мизинец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.